

Мария Фомальгаут
Сюита для скрипфона

Мария Владимировна Фомальгаут

Сюита для скрипфона

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18574638

ISBN 9785447481179

Аннотация

Очень полезная книга о том, что делать, если человек разделится пополам. И как сыграть сюиту для скрипфона. И как вырваться из нищеты, если у вас всего-то есть, что вилла на Лазурном Берегу.

Содержание

Тахион	5
Восьмерка на боку	16
Я не отдам тебе память	24
Две точки на линии	38
Знание английского обязательно	48
Кольцевая	59
Хороший автор	69
Кто убил Лондон	77
Эрик	88
Это ваше	105
Это же деньги...	112
Конец ознакомительного фрагмента.	120

Сюита для скрипфофона

Мария Фомальгаут

© Мария Фомальгаут, 2016

© Мария Фомальгаут, иллюстрации, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Тахион

А ведь я не сплю...

Мне так кажется.

Не должен я спать, ну никак не должен, утром встал, из дома вышел, а тут такое...

Или все-таки сплю?

Щипаю себя за руку больно-больно, чер-р-рт, синяк будет.

Нет, не сплю, наяву эта хрень, как пить дать наяву...

Хрень.

Иначе не скажешь.

Он и на человека-то не похож.

Нет, похож. Вот теперь похож, когда из плоского стал объемным, когда...

Чер-р-р-рт...

Так тоже бывает во сне.

В очень страшном сне.

Когда один человек разделяется на двух, они расходятся, разлетаются, один приплюснутый, какой-то вогнутый, движется спиной вперед, второй вытягивается во что-то длинное, немыслимое, летит к горизонту...

Смотрю на первого. Вогнутого. Идущего спиной вперед.

Зачем-то окликаю.

– Э-э-э... время не подскажете?

Тьфу ты черт, тут хрен знает, что творится, а я про время

спрашиваю...

Не отвечает. Не так не отвечает, как не отвечают, когда не хотят разговаривать, а так не отвечают, что становится понятно: он меня не видит.

Совсем.

Делаю шаг к нему, протягиваю руку, интересно, что он сделает, когда я схвачу его за плечо, успеть бы еще объяснить, что я тут не мобилы отжимаю в парке, что я вообще человек мирный...

Моя рука проходит сквозь него, повисает в воздухе.

Вот оно что.

Так я и думал, какой-то мираж, какой-то глюк, улыбнитесь, это была программа розыгрыш...

Человек исчезает за горизонтом.

И все-таки меня не оставляет чувство, что он здесь был...

Смотрю на примятую траву, на сломанные ветки.

Был.

На траву падают три капельки чего-то вишнево-красного, догадываюсь – кровь.

Я напишу бестселлер.

Слово-то какое, бест-селлер, сразу и не выговоришь, одно Эс тут точно лишнее, если не оба, ломается язык об непослушное – с-т-с...

А я все-таки напишу.

Бест-селлер.

Действие у меня начнется... гхм... где-нибудь в тибетском монастыре. И неважно, что я никогда не был в тибетских монастырях, что-нибудь придумаю. И там молодые монахи приносят к старому настоятелю умирающего человека, которого они нашли в заснеженных горах. Видно, что парень шел очень издалека, шел один, много дней и ночей...

Благодаря заботам монахов парень постепенно возвращается к жизни, рассказывает, что его зовут... гхм... какое бы выбрать имя, чтобы не слишком затасканное, не слишком вычурное. Коля-Миша-Петя-Вася отпадают. Какой-нибудь Глюримэль тоже. А вот. Игнат. Или не Игнат? Ладно, пусть пока будет Игнат, там разберемся.

Так вот, Игнат рассказывает, что хочет научиться премудростям тибетского монастыря, хочет летать по воздуху, воскрешать мертвых, и что там еще они умеют. А настоятель монастыря говорит, что монастырь потерял свою магическую силу, потому что беглый монах украл некий амулет...

А теперь у меня действие перенесется в Эмпайр-стейт-билдинг, есть такой в Нью-Йорке, я знаю. Здесь некий большой человек с большими деньгами нанимает... Гхм, нет, не так. Разорившийся молодой банкир хочет выпрыгнуть из окна небоскреба, но тут его останавливает большой человек с большими деньгами и говорит, что простит ему все долги, если тот найдет монаха с неким драгоценным амулетом...

Потом действие переносится на палубу тихоокеанского

лайнера. Он потерпит крушение, спасутся лишь двое, банкир и Игнат. Потом я перенесу историю в глухую сибирскую тайгу, где спрятана секретная лаборатория по производству...

Ладно, хорош мечтать, писать надо. Или нет, сначала надо план составить, сначала план. Потом сюжет перенесется в особняк в пригородах Лондона, где большой человек с большими деньгами в гневе узнает, что банкир так и не выполнил задание, до сих пор...

Потом все трое – банкир, Игнат и монах – встретятся в лесах Амазонки, или нет, встретятся только двое из них, потому что кто-то из них двоих окажется одним и тем же лицом. Не знаю, кто.

А финал у меня будет на Байконуре, где все трое (или двое) окажутся в кабине ракеты, стартующей на Марс. Ракета, разумеется, будет заминирована, а Игнат её разминирует... и артефакт вернет, и мир спасет... или наоборот, погубит, если Игнат и банкир – одно и то же лицо...

Как-то так.

Подумать надо.

Расписать.

Включаю комп.

...старый (здесь надо имя настоятеля, какое-нибудь вычурное и особенное) стоял на балконе монастыря (а в монастырях вообще есть балконы?) и смотрел на заснеженные вершины далеких гор. Опытный взгляд монаха безошибоч-

но определил – приближается снежная буря, свирепая и беспощадная. Не повезло тому, кто останется этой ночью в горах, буря заберет его жизнь...

Настоятель плотнее закутался в плащ и спустился в большой зал, где собирались монахи для вечерней молитвы. Опытный взгляд настоятеля сразу же определил, что двух послушников не было на месте...

– А где... (здесь надо бы вставить имена, какие-нибудь тибетские, например, Банди и Тугэт)? – спросил настоятель у своего помощника.

(А есть ли в монастырях вообще помощники настоятеля, помощнику тоже имя надо дать какое-нибудь...)

– Они до сих пор не вернулись, учитель.

– Не вернулись? В такую непогоду?

– Да, учитель.

– Найти их...

Хотя нет, он не прикажет их искать, эдак погибнут и Банди, и Тугэт, и все, кто пошел на поиски. Настоятель будет стоять на балконе или на чем там, смотреть на горную дорогу, не мелькнут ли плащи послушников. Он будет волноваться, надо написать, как он будет волноваться, как старческие морщинистые руки будут бессильно сжимать перила... И наконец – о чудо! – в темноте надвигающейся бури покажутся монахи, вот они спешат по дороге, вот они успели спрятаться за воротами монастыря, и в ворота ударил мощный порыв ветра.

– Что вас так задержало? – начал настоятель, и тут же осекся, когда увидел ношу двух монахов: они бережно подерживали что-то, завернутое в плащ, что-то, что было ни чем иным как человеком...

Звонят в дверь.

Вот так, ни раньше, ни позже, занят я, занят, счас табличку повешу, не беспокоить...

Делать нечего, плетусь к двери:

– Кто?

– ФСБ.

– Э-э-э-э?

– ФСБ. Откройте...

Черт... похоже на розыгрыш... очень какой-то невеселый розыгрыш.

Открываю, смотрю на протянутые мне корочки.

– Пройдемте, будьте добры. И ноутбук свой возьмите, пожалуйста.

– Э-э-э... я виноват в чем-то?

– Нет, нет, что вы, что вы... наоборот.

– Алексей, значит... Викторович... – человек в штатском смотрит в мой паспорт, – у меня сын тоже Алексей... Так вот, Алексей Викторович, вы тут роман писать затеяли...

– Было дело.

– И вот у вас там, в романе действие на Тибете начинает-

ся... а потом по всему миру скачет...

– Так.

– А вот посмотрите, вы в плане у себя пишете... вот у вас герой... банкир, если не ошибаюсь... так вот он сначала в Сибири из какой-то лаборатории сбегает... это у вас по местному времени стоит в восемнадцать-тридцать. А на следующей странице он оказывается в особняке под Лондоном... на одну минуту раньше. Это как это он у вас моментально переместился?

– М-м-м... ошибка вышла...

– Ошибка... так это он у вас не просто моментально, а скорость света превысил.

Вымученно улыбаюсь:

– Ну, бывает.

– Бывает... Его уже полгорода видели.

Меня передергивает.

– К-кого?

– Этого, кого...

Спохватываюсь.

– А я тоже видел... он... из ниоткуда появился... Из воздуха. Вот так надвое разошелся, и полетел...

– Вот именно. Ну, Алексей, вы у нас прямо Альберт Эйнштейн...

– Да... само как-то получилось...

– Само... вот и будем думать, как оно у вас получилось... хорошо вам, в Москву работать поедете...

– Да ну?

– Ну да... такими талантами швыряться нельзя...

Сажусь в машину, спохватываюсь:

– Я даже вещи с собой не взял...

Игнат мотает головой:

– Вам в Москве что надо дадут.

Набираюсь наглости, спрашиваю:

– Квартиру дадут?

– Не... при институте жить будете...

Настораживаюсь. Не к добру. Очень не к добру.

Водитель оборачивается, стреляет в Игната. В голову. Отчаянно дергаю дверцу машины, понимаю, что не выберусь.

Водитель кивает:

– Вы-то не бойтесь...

– А?

– Не бойтесь...

Протягивает ко мне руку, пахнущую чем-то едким, терпким, в нос ударяет что-то удушающее, проваливаюсь в звенящие звезды...

– Не узнали?

Большой человек с большими деньгами смотрит на меня.

– Узнал.

– Вот и отлично. Игнат, если я не ошибаюсь?

– Не. Алексей.

– Очень приятно.

– А вы?

– А что я, вы мне имя так и не удосужились дать... Ну что, Алексей... как вы это делаете?

– М-м-м... даже не знаю.

– А повторить сможете?

– Не знаю.

– А вы постарайтесь. Дело-то серьезное...

Осторожно спрашиваю:

– А мы... в окрестностях Лондона?

– Да, Алексей. Будете вести себя хорошо, свозим вас как-нибудь в город...

– С-спасибо, – оглядываюсь, – это поместье ваше... старинное, наверное... со времен короля Артура...

Вежливо улыбаюсь, тут, главное, не подать вида, что в гробу я его поместье видел, и Лондон его...

– Вы мне льстите. Построено в шестнадцатом веке, не так уж и давно... в тысяча пятьсот тридцать седьмом году...

– Потрясно... у вас тут, наверное, и конюшня есть... и лошади...

– Вы угадали мою страсть, Алексей.

– Породистые? Здорово... я у деда в деревне пару раз верхом ездил... там лошаденки-то старенькие...

– Алексей, вы мне зубы не заговаривайте, вижу же, только и думаете, как сбежать... не выйдет. Даже не пытайтесь. Пойдете в полицию, вам же хуже будет, для полицейских вы тер-

рорист, объявленный в международный розыск. Ну что же... пойдете позавтракаем... и посмотрим, на что вы годны... как писатель...

Выходим из комнаты, хозяин идет позади меня, командует – вниз, пожалуйста, спускаюсь по лестнице, а поместье и правда немаленькое, именно так я его себе и представлял.

На ходу заглядываю в одну из комнат, вздрагиваю.

– Любуетесь?

– Он... он мертвый?

– Он в коме... да вы не бойтесь, можете подойти, посмотреть...

Не хочу, но зачем-то подхожу, смотрю на лежащего под капельницей.

– Узнаете?

– Н-нет...

– А зря. Это вы его так.

– Я? – меня передергивает, – слушайте, я ни в жизнь никого... Ну с пацанами за гаражами дрался... ну это когда было...

– Да нет... тут другое...

Наконец, узнаю человека. У которого я спрашивал время, а он мне не ответил.

– Сможете его оживить?

Вздрагиваю.

– Ой, нет... не знаю.

– А зря. Надо думать, это если люди со сверхскоростью

света переноситься туда-сюда будут... И при этом не впадать в кому... можно считать, что будущее уже наступило.

Киваю.

Главное, делать вид, что все хорошо. Пойдем завтракать, посмотрю дом, где выход, где калитка, где что...

2016 г.

Восьмерка на боку

Количество абонентов – 8

Количество вариантов состояний – 8

Это я у завлаба в блокноте прочитал.

– Что-то подсказать?

Покупатель смотрит на меня, как на... как не скажу, на что.

Я сегодня телефоны продаю.

Вы не торопитесь мне сочувствовать, это еще хорошо, я вчера вообще киллером был.

Не похож, говорите, на киллера?

Да я и на продавца сотовых не очень-то смахиваю.

А что делать.

Им там виднее.

Кому им?

Я не знаю их имен, я про них ничего не знаю. Я могу только догадываться, мы все можем только догадываться. Неделю назад мне повезло, поставили меня в какой-то исследовательский центр работать, начал анализировать, с какой частотой та или иная судьба встречается.

– Я вот что заметил... чаще всего встречается судьба ма-

ленького клерка.

– И что? – завлаб смотрит на меня, как на... как не скажу, на что.

– А то. Какая буква алфавита чаще всего встречается?

– О вроде.

– Вот. Значит, судьба маленького клерка – это буква О.

– Парень, ты не рехнулся вообще?

– А что такое?

– А то. С чего ты взял, что они по-русски говорят?

– А по-каковски?

– Ну конечно, у нас вся вселенная по-русски шпарит, и за пределами вселенной тоже...

Хлопаю себя по лбу, идиотище я, идиотище...

Думаете, это вчера было, когда я ученым был?

А нет.

Это сегодня. В магазине. Завлаб молодец, выискал меня, зашел, вроде как покупатель, а сам мне кивает, рассказывай, что вчера вычислил...

Чтобы передать сигнал, они задают характеристики жизни каждого человека, люди живут жизнь, идет сигнал.

(Из записей)

Сегодня опять меня киллером назначили.

По привычке записываю в блокнот, позавчера киллер,

вчера продавец, сегодня снова киллер...

К-П-К.

Понять бы еще, что это значит.

Выжидаю.

Жертва появляется на дорожке, мужчина средних лет, вроде проблем с ним не будет...

– Время не подскажите?

Оборачиваюсь.

Вижу завлаба. Говорю, сам не знаю, зачем:

– Э-э-э... мне вас велели... убить.

– Что-то ты частенько киллером работать стал.

Развожу руками, куда деваться, не я выбираю, кем быть...

Устраиваемся на скамейке, завлаб достает сигареты.

– Куришь?

Мотаю головой.

– Не-е, завязал.

– Молодец, парень, я вот все не могу...

– Чего не можете, я же не сам завязал, это же эти меня в состояние некурящего перевели. Захотят, обратно сделают...

– Тоже верно... как думаешь, их двое?

– Кого?

– Этих...

Он показывает куда-то вверх.

– Нет, больше, наверное.

– А сколько?

– Не знаю... сто... двести... тысяча...

– Обоснуй.

– М-м-м-м...

– Не знаешь? А в науке так нельзя, ляпнул чего ни попадя...

– Да ничего не попадя, дайте подумать... вот... потому что нас много.

– И что?

– Ну не может быть, чтобы этих... хозяев наших только двое было.

– Чего не может, что ты их с людьми сравниваешь...

– А вот почему они именно людей берут?

– А кого?

Пожимаю плечами.

– Не знаю...

– А ты посмотри, у электрона во флешке сколько состояний?

– М-м-м...

– Два. По ту и по эту сторону затвора. Эх ты... так вот, нам этого достаточно информацию записывать... да-нет, выключ...

– Черное-белое.

– Вот-вот. А у судьбы человеческой сколько состояний?

Вздрагиваю.

– Да до фиги.

– Именно. Вот человека и используют...

Темнеет.

– Ты меня убить должен, – вспоминает завлаб.

– Пофиг.

– Чего пофиг, не успеешь.

– И не успею. И не буду я этого делать.

Завлаб бледнеет еще больше.

– Чего не будешь, надо же!

– И пофиг, что надо.

– А этих не боишься?

– Чего они сделают... ну увидят, помеха где-то в передаче,

ну что теперь...

– Что-что, сейчас весь мир наш перелопатит, вот будешь

знать.

– Из-за одной помехи? Да быть не может... сильно мы им

нужны...

Количество абонентов – 8

Количество вариантов состояний человеческой судьбы – 8

Это у завлаба в блокноте.

Всего восемь.

Это хорошо. Восемь абонентов... теперь бы их разговоры расшифровать...

Сегодня я был богачом.

Ну как богачом, сыном депутата какого-то.

Оказывается, и такие состояния человека тоже бывают. То есть, я знал, что они бывают, но как-то не ждал, что со мной такое будет.

Решил с утрачка никуда не идти, в кровати поваляться, подумать, не каждый день такая удача выпадает, подумать. Там уже и оторваться можно будет по полной, главное, не забыть, а то вот так вечером спохвачусь, а день прошел уже, вот так сколько завидовал этим, у которых яхты-самолеты есть, и даже не покатаюсь ни на чем таком...

Стук в дверь. Так, началось.

– Войдите!

Входит немолодая женщина, думаю, кто она мне.

– Вадим Ваныч, там к вам гость...

Хочу сказать, что никого не принимаю, спохватываюсь:

– Счас... скажите, счас я приду...

Наскоро одеваюсь, черт, даже не спросил её, кто пришел, что надевать, а то там, чего доброго, Президент на огонек заглянул, а я тут в джинсах с футболкой вываливаюсь...

Вываливаюсь.

Смотрю.

Не Президент.

Завлаб. Бывший. Не знаю, кто он сейчас. Вроде не Президент.

– Ну, привет.

– Здрассьте.

– Ты меня убить должен был...

Вздрагиваю.

– И что? Х-хотите, чтобы я вас...

– Да нет. Ты хоть сам понял, что сделал, когда меня не убил?

– А что?

– А то... Они же теперь меня и не замечают... меня как будто и не существует вовсе...

– Так здорово же, теперь вся жизнь впереди сигналы расшифровывать...

– Это-то да, а кушать что? Зарплату мне теперь тоже никто не принесет...

– А, сию минуту... – хочу позвать служанку, чтобы принесла завтрак, понимаю, что не знаю, как её зовут, а вот уже сама катит тележку с полными тарелками, спасибо, большое спасибо...

Вспоминаю:

– Вы вроде записи какие-то делали... расчеты...

– Было дело.

Осторожно спрашиваю:

– А они... сохранились?

– Обижаеть, конечно сохранились... с собой ношу...

– Можно... взглянуть?

– Взгляните.

Открываю тетрадь.

Не понимаю.

Количество абонентов – 8

Количество вариантов состояний человеческой судьбы – 8

И всё.

– А чего у вас восьмерка наборок свалилась?

– Какая восьмерка? Э-э-эх, сам ты восьмерка...

– А что?

– Что-что... знак бесконечности знаешь?

2016 г.

Я не отдам тебе память

Я плотнее закутываюсь в свою скорлупу и расправляю крылья

Понимаю, странно звучит – закутываюсь. В скорлупу. Но в голову пришло именно это – закутываюсь. В скорлупу.

И расправляю крылья.

Приближаюсь к шару, окутанному серым туманом, вращаюсь вокруг него – все ближе, ближе, ближе. Шар чувствует меня, шар хватает меня – на расстоянии, держит в поле гравитации, не отпускает.

Отбрасываю крылья – больше они не нужны.

Падаю.

Туман расступается, проглатывает меня, увлекает глубже, глубже, глубже, навстречу неизвестности.

Хочу выпустить парашют, не выпускаю, всё равно некуда падать, мягко парю в тумане.

Моя скорлупа касается почвы.

Еще раз проверяю всё от и до, еще раз взвешиваю все за и против – выхожу из скорлупы.

Это можно назвать вторым рождением.

Туман прикасается ко мне, думает, сжечь меня дочи-ста или нет. Наконец, осторожно обнимает, принимает, чуть расступается, когда я делаю шаг вперед.

Это моя память.

Только моя.

Я тебе её не дам.

Тыходишь в комнату, ты видишь, что я перебираю память, свою память, до которой тебе не добраться.

– Смотришь? – спрашиваешь ты.

Пожимаю плечами – как видишь.

Спрашиваю:

– Хочешь посмотреть?

Ты осторожно киваешь:

– Не откажусь.

Я вывожу память на экран. Это неудобно, память движется медленно, ужасно медленно.

– А то давай... объединим, – предлагаешь ты.

– Ладно, и так видно.

Я не хочу объединять наши сознания.

Я не хочу становиться тобой.

Я просыпаюсь.

Вернее, не так.

Я выхожу из небытия.

Оглядываюсь.

Голубоватое сияние Фомальгаута смотрит на меня единственным глазом. Датчики услужливо подсказывают мне, что это Фомальгаут Бэ, я не понимаю, как Бэ, если Фомальгаут Бэ должен светиться желтым.

Датчики уверяют, что не ошиблись, что все так и есть.

Пожимаю плечами.

Навигатор ведет меня к единственной планете.

Плотнее закутываюсь в свою скорлупу и расправляю крылья.

Ты говоришь:

– Пойдем.

Мы с тобой выходим на улицу. Ты боишься отпускать меня одного, ты боишься, что я буду сам по себе.

Оглядываю улицу, отчаянно вспоминаю, как идти, по тротуарам, или по середине улицы, нет, кажется, все-таки по тротуарам...

Шагаю на тротуар, ты хватаешь меня, тащишь на середину улицы, шепчешь мне в лицо:

– Идиот.

Даже не возражаю. Идиот и есть. Будто в подтверждение моих слов из тротуара поднимается громадина подземной высоты, черт, хоть бы сигнал предупреждающий дали, или на хрен нужен какой-то сигнал, кроме меня никто вот так на тротуар не попрется...

Ты говоришь:

– Тебя одного отпустить, ты вообще тут убьешься на хрен...

Молчу.

Понимаю, что ты имеешь в виду другое.

Ты боишься, что я стану сам по себе.

Нет, это опять был Белый Кролик. Он неторопливо трусил обратно, озабоченно озираясь, словно что-то потерял, и продолжал бормотать себе под нос:

– И еще эта Герцогиня! Пропала моя головушка, и шкурка пропала, и усики тоже! Пиши пропало! Велит она меня казнить, нет на нее пропасти! И где только я их мог обронить?

Читаю.

Понимаю, что дальше читать не буду, закрываю Алису в Стране Чудес.

Оглядываю вереницу книг.

Понимаю, что читать не хочу.

Ничего не хочу.

Вообще.

Ложусь спать.

Засыпать почему-то страшно, мне кажется, что я умираю, несколько минут мой разум сопротивляется, отчаянно хочет жить.

Я стараюсь утешить его, объяснить, что я не умру, я обязательно проснусь.

Через пятьсот лет.

Я просыпаюсь...

Вернее, не так.

Я выхожу из небытия...

– Ну а на каком основании...

– Встаньте, пожалуйста.

Встаю, пожалуйста.

– На каком основании вы отказываете мне в праве на жизнь?

Судья смотрит не на меня, а куда-то сквозь меня.

– Да вы поймите, ни в чем мы вам не отказываем... мы вообще не знаем, что делать. Беспрецедентный случай, человек судится сам с собой.

Снова вскакиваю.

– Категорически опровергаю, прошу не считать меня копией данного гражданина!

Ты смотришь на меня.

С ненавистью.

Я знаю, ты хочешь убить меня. Но ты не убьешь меня, я нужен тебе живым.

– Ты там живой еще? – спрашиваешь ты.

Отвечаю в динамик:

– Живем помаленьку.

Жду. Сигнал от меня до тебя идет долго-долго, чем дальше, тем дольше.

Через час приходит ответ:

– А то ты на связь не выходил, я уж думал, случилось че-

го...

– Да нет, ничего...

Хочу сказать, что вчера была орбита Плутона.

Не говорю.

Воспоминания.

Они принадлежат только мне.

Ты тоже можешь их посмотреть, но только со стороны.

Ты не можешь войти в мое сознание.

Я не позволю.

– Я хотел бы сделать копию сознания.

Человек за столом поворачивает ко мне пластиковое лицо:

– Зачем?

– Видите как... хочу космос исследовать... я сам здесь, на земле буду, а копия моя там...

– Вы отдаете себе отчет, чем вы рискуете?

Не понимаю.

– А чем я рискую?

Человек за столом мнется, по его лицу скользит подобие эмоций.

– Ну... не знаю... но дело рискованное.

– Ну а чем оно рискованное? Ну, я понимаю, что моя копия может погибнуть там... в космосе... Или что я могу умереть на земле, пока моя копия будет там...

– И что вы будете чувствовать тогда?

– Ну... не знаю... ну как если бы близкий человек умер...
друг умер...

Это наше с тобой общее воспоминание.

Одно на двоих.

– Немедленно остановитесь!

Человек не останавливается.

Выстрелы.

То есть, это я так их называю про себя, выстрелами – этот поток волн.

Человек падает замертво, пластиковое тело шмякается на дорогу, кто-то в толпе бормочет, с телом-то поосторожнее, пригодится еще...

Думаю, в чем он был виноват.

Этот.

Лежащий на улице.

Люди в форме подходят к упавшему, осторожно поднимают, ловят на себе мой оторопелый взгляд, кто-то кивает мне, не бойтесь, память ему подчистят, все хорошо будет...

– Почему-то вздрагиваю.

Память...

Подчистят...

– Пойдем, – ты ведешь меня через толпу, ты командуешь мной, как будто я и не человек вовсе...

Не человек...

Туман обнимает меня, тянется ко мне, повторяет очертания моего тела. Я уже догадываюсь, что этот туман – живой, он окутывает камни, он подтачивает их со всех сторон, чтобы изваять мое каменное подобие...

Это моя память.

Моя.

А не твоя.

– Боюсь, ничем не смогу помочь... – адвокат смотрит на меня с сочувствием, – конечно, жалко вас... но по закону вы не имеете права... права...

Добавляю:

– На жизнь?

– Нет, что вы... вы... вы просто должны вернуться к своему...

– ...хозяину?

– К своей второй половине...

– Зачем должен? Кому должен?

– Ну, хорошо, хорошо, – адвокат успокаивает меня, как больного ребенка, – мы что-нибудь придумаем.

Туман ведет меня куда-то по узким ущельям, оглядывается, зовет, как собака зовет своего хозяина. Он хочет показать

мне что-то, не знаю, что...

В последний момент спохватываюсь, понимаю, что туман может завести меня туда, откуда не выберусь, где туман обглодает меня дочиста.

Понимаю, что отступать поздно.

Это тоже моя память.

ОПРОС

Что делать с отколовшейся от человека памятью?

Ничего не делать, пусть живет сама по себе – 23%

Вернуть человеку – 77%

ВАШ ГОЛОС ПРИНЯТ

– Не узнали?

Смотрю на что-то перепончатопалое, перепончатокрылое, трехглазое...

– Простите... нет.

– А мы с вами встречались.

– Простите... не помню.

– Я адвокат ваш. Не помните?

Вспыхиваю:

– Да ё-моё, вы по сто раз на дню облик меняете, я как следить должен?

– Вот вы мне своей непосредственностью нравитесь... – адвокат смеется, – ничего... привыкнете...

Понимаю, что не привыкну.

Уже никогда.

Туман расстилается у моих ног, будто просит оценить свое творение.

Смотрю.

Оцениваю.

Поднимаю большие пальцы вверх, он уже знает, что это знак одобрения.

Каменные изваяния насколько хватает глаз. Что-то причудливое, что-то неземное, ноздреватое, пористое, легкое, будто парящее над почвой.

Осторожно спрашиваю:

– Это... это с природы?

Туман не понимает меня. Туман снова становится просто туманом, мертвым, темным, холодным...

РАЗЫСКИВАЕТСЯ.

Это про меня.

ОСОБЫЕ ПРИМЕТЫ.

Фыркаю, какие там могут быть особые приметы в мире, где внешность меняется каждый день.

А вот могут.

ОТСУТСТВИЕ ИДЕНТИФИКАЦИОННОГО НОМЕРА.

Правильно.

Откуда он у меня.

У копии.

Бью кулаками в стену – в беспомощной злобе, копия, копия, копия, капает в голову ненавистное слово. Кулак раскалывается пополам, смотрю на беспомощную культу...

– День добрый, вас беспокоят из имидж-офиса...

Вздрагиваю.

– Да я как-то в ваших услугах не...

– Мы нуждаемся в ваших услугах. В вашей памяти содержатся образы изваяний... которые делал туман...

– Да, есть такое.

– Мы хотели бы подписать с вами контракт на использование этих образов...

– Идите вы...

Добавляю слова, которые в современном мире уже не понимают.

Отключаю связь.

Прикидываю, за сколько доберусь до космодрома.

– Вы арестованы.

Оборачиваюсь. Думаю, что еще можно успеть, заскочить в ракету, десять секунд до старта...

Не заскакиваю.

Оборачиваюсь, смотрю на тебя, так и чувствовал, что ты

будешь караулить меня на космодроме, чувствовал – и все равно летел сюда, надеялся непонятно на что...

Говорю – обреченно, отчаянно:

– Слушай, отпусти, а? На хрена я тебе нужен вообще...

Ты бледнеешь, хорошо у тебя лицо сделано, бледнеть может.

– К-куда пустить?

– Туда...

Показываю пальцем в небо.

– И я тебе мешать не буду. Чтобы это... – с трудом вспоминаю слово, – прецедент не создавать.

Ты вздрагиваешь:

– А инфа? А память?

Копию сделай. С моей памяти. И себе вложи.

– Ну давай... пойдём... сделаем.

Обреченно иду прочь от ракеты. Чувствую, что ты меня обманешь.

Обманешь...

– ...готово.

Ты держишь мою память, моё сознание – бережно, как величайшее сокровище. Еще раз смотришь на него – прежде чем слиться с ним воедино.

Поворачиваешься ко мне.

– Спасибо.

Спускаешь крючок.

Выстрел.

Еще успеваю удивиться, я почему-то думал, что ты уни-
чтожишь мое сознание – нет, ты предпочел уничтожить ме-
ня самого... всего... целиком...

– Все в порядке? – двое полицейских заглядывают в ком-
нату.

Ты киваешь.

– Да. Всё хорошо. Я от него избавился.

Полицейский недоверчиво смотрит на то, что от меня
осталось.

– А... а тело-то зачем?

– Да... программа сбилась...

Здесь уже не говорят, – нервы сдали, здесь говорят – сби-
лась программа. Ты скажешь именно так.

Ты распахиваешь окно, прыгаешь в пустоту, навстречу
шумному городу.

Выпускаешь воздушную подушку.

Летишь домой.

Ты не ошибешься, ты знаешь, что лететь надо посередине
улицы, а не по тротуарам.

Ты даже не назовешь их тротуарами.

Швейцар встречает тебя у входа, смотрит мерцающим
экраном, кто-то из соседей приветливо сигналил тебе.

Они еще не знают, что тебя больше нет.

Есть только я.

2016 z.

Две точки на линии

– Принимай заказ, что ли.

Принимаю заказ, что ли. Первый. Самый первый. Волнуюсь, не то слово, проклятое чувство, что сейчас дадут что-нибудь такое, к чему вообще не буду знать, с какого бока подойти.

Мастер протягивает листок бумаги:

– Вот... линию видишь?

Присматриваюсь к бумаге, вижу прочерченную прямую.

– Вижу.

– Отлично. Прямо молодец. Берешь ручку, точки на линии ставишь.

Мне кажется, я ослышался.

– Чего?

– Две точки, говорю, ставишь. На линии.

– 3-зачем?

– Затем, что заказчик так велел, что непонятно-то...

Всё непонятно-то. Издевается он надо мной, что ли... Очень похоже. Я тут ждал какие-нибудь балясины для лестницы или решетку кованую, а тут нате вам, точки ставить.

– Сделаешь?

– Сделаю, как не сделать.

– Ты не торопись, ты смотри, чтобы ровнехонько точки стояли. Заказ все-таки...

Осторожно спрашиваю:

– А.... для чего?

Мастер фыркает:

– Па-а-арень, меньше знаешь, крепче спишь, слышал такое? Вот то-то же...

Ставлю точки. Осторожно. Бережно. Как заказчик велел.

Выдыхаю:

– Г-готово.

– Ну, молодец... Щедрый заказчик оказался, хорошо заплатит...

– За две точки?

– За них. Я сам офигел, когда заказ увидел... а куда деваться, это еще понятно.... А то бывает, вообще заказ принесут, хрен пойми, чего человек хочет, фифа такая пришла, я её спрашиваю, так вам параллельно надо доски или перпендикулярно, она глазками хлопает, а это что, не одно и то же?

Смеемся, у мастера морщинки разбегаются по лицу. Ничего, хороший человек попался, душевный, я думал, вообще какой-нибудь бешеный окажется, который на всех орет. Хотя кто его знает, все они сначала душевные, не с первого же дня на работника орать...

...это время запомнится как одна из самых тяжелых и мрачных эпох. Миллионы восставших были брошены в тюрьму, которая была построена буквально за считанные часы. Это было тем более странно, что до этого в стране во-

обще не было тюрем. Ходят слухи, что для постройки тюрьмы задействовали технологии из других миров...

...просыпаюсь.

Что-то снилось, бред какой-то снился, про науку... а нет, вру, историческое что-то, про репрессии про какие-то там...

Растираю виски.

Выбираюсь из постели, на работу уже пора...

– С компьютером-то как, дружим?

Теряюсь.

– М-м-м... на кнопки нажимать умеем. А чего надо?

– А ты как думаешь?

Улыбаюсь:

– Программу писать, не иначе.

– Ага, и Пентагон взламывать. Не, тут другое. Три линии нарисовать надо.

Мне кажется, я ослышался.

– Три лилии?

В голове уже начинает вертеться, е-е-е-сть в графском парке черный пружина...

– Да нет. Линии.

– И ради этого меня...

– Ну, не хочешь, не делай, двадцать тыщ другому кому достанутся.

Давлюсь собственным голосом.

- Двад...
- Ну а то.
- Шутите.
- Да нет, договор с заказчиком есть.
- А линии параллельные?
- Да нет... треугольник нарисовать надо.
- Равносторонний?
- Гхм... тут не написано, какой.
- Это бы уточнить, а то мало ли чего заказчику надо...

РАІNT

ОТКРЫТЬ.

Делать нечего, рисую треугольник, как велели, один угол прямой, два других не прямые, две стороны одинаковые, третья неодинаковая.

СКОПИРОВАТЬ.

ВСТАВИТЬ.

СКОПИРОВАТЬ.

ВСТАВИТЬ.

На экране мелькает узор из бесчисленных треугольников. Считаю, десять, двадцать, тридцать, сто, двести, триста, тысяча.

Чер-р-рт...

Готово.

ПЕЧАТЬ...

– Слышал чего, заказчик еще пять штук подкинул.

Вздрагиваю:

– Заказов?

– Да нет, тысяч... от щедрот...

Не выдерживаю, говорю, что думаю:

– Сумасшедший.

– Похоже. Нам-то какое дело, заплатил, и хорэ...

...до сих пор с содроганием вспоминаю годы, проведенные в одиночной камере. Иногда казалось, что еще немного – и я сойду с ума, а иногда казалось, что я уже лишился рассудка. Выбраться оттуда не было никакой возможности – ходили слухи, что эта тюрьма на тысячу камер была создана по заказу тирана в каких-то высших измерениях, в каких-то мирах, о которых мы ничего не знаем...

...просыпаюсь.

Растираю виски.

Лезет в голову какая-то муть, какие-то страницы какой-то истории, и точно знаю, что в нашем мире ничего подобного не происходило.

– ...говоришь... одиночные камеры снились?

– Не... воспоминания про камеры.

– Камеры о трех углах?

– Ну да, а...

Осекаюсь.

Смотрю на наш вчерашний заказ, до сих пор остался на экране, не стер я треугольники, оставил на всякий случай...

Осторожно спрашиваю:

– Вы думаете...

Мастер хмурится.

– Вот оно что получилось...

– Они опять точки заказывают, – мастер вертит в руках листок бумаги.

Что-то обрывается внутри меня.

– Не буду делать.

– Правильно, нечего, – неожиданно соглашается мастер, – знал бы сразу, в жизни бы не взялся... сами пусть свое строят...

Задумываюсь.

– А я даже знаю, какой заказ нам следующий принесут.

– Какой? – мастер настораживается.

– А вот... четыре треугольника из фанеры выпилить. Чтобы потом их в пирамиду сложить.

Мастер фыркает.

– Кто ж так у нас тюрьмы делает. Тогда уж шесть квадратов закажут... из прутьев стальных. Чтобы клетка получилась.

Киваю.

Мастер продолжает:

– Будем ждать клетку.

Настораживаюсь:

– И?

– Что и... черта с два мы им делать что-то будем.

Начинаю сомневаться.

– Гхм... с таким заказчиком ссориться себе дороже будет.

– Ничего... справимся...

Думаю, как будем справляться с заказчиком.

Не знаю.

– Ну что... заказ пришел...

Смотрю на мастера, вот это называется, лица на человеке нет. Так, началось, сделайте заказчику стол, чтобы он же кровать, он же сервант, с выдвижными столиками, чтобы по касательной выдвигались, по параболе задвигались, чтобы...

Осторожно спрашиваю:

– Четыре треугольника?

– Не... хуже. Выше бери...

Не понимаю, но уже прошибает холодный пот:

– Что... выше?

– Что-что... пять пирамид сделать надо.

– Ч-чего?

– Пять пирамид, чего. Стальных.

Сначала не понимаю, ну пирамид и пирамид, ну пять и пять, выточим, всё честь по чести...

Спохватываюсь.

Пять пирамид.

Пять...

...пирамид.

Срываюсь почти на крик:

– Не буду делать!

Жду, что мастер покажет мне на дверь. Не показывает.

– И чего? И как с этими воевать будешь? Они же заказ требуют...

Думаю, как буду воевать.

Спохватываюсь:

– А если это... бракованные пирамиды сделать? Ну... что-бы из тюрьмы сбежать можно было?

– Слушай, дело говоришь... только как бы сделать... что-бы не заметили...

Киваю:

– Сделаем.

...благодаря отчаянной выдумке мастера, который сделал бракованные стены, из тюрьмы сбежали миллионы узников. Вскорости режим тирана пал. К сожалению, отважный мастер был убит тираном, повстанцы не успели спасти мастера...

...просыпаюсь.

Уже по привычке не встаю с кровати сразу же, лежу, вспо-

минаю, что я видел, что читал на страницах во сне.

Вспоминаю.

Прошибает пот, что-то подсказывает мне, что мастер — это я.

— Бежать надо, чего, — мастер бросает ключи в кейс, хватает куртку.

— Вы... вы тоже хотите бежать?

— Парень, ты во сне что увидел? Мастер был убит. Мастер. Так что это и мне может прилететь...

Киваю. Может.

Забираемся в машину, на всякий случай оборачиваюсь, не следит ли за нами кто...

— Отбой, парень.

Смотрю на мастера. Не понимаю.

— Отбой... не надо нам прятаться...

— А что так?

— А вот... сам посмотри... э-э-эх, парень, чтоб я еще твоим снам верил, да ни в жизнь...

Смотрю. Сам. Хрустальный шар, вернее, то, что кажется хрустальным шаром, серебристая дымка в шаре складывается в слова, то ли снаружи, то ли у меня в голове...

...к сожалению, постройки были разрушены с первой же непогодой, из чего власти сделали вывод, что нельзя дове-

рять строительство домов специалистам из низших измерений...

2016 г.

Знание английского обязательно

– Вы знаете английский?

Меня передергивает. Нет, конечно, я же учителем английского наниматься пришел, где мне английский знать...

– Знаю.

– Хорошо знаете?

– М-м-м-м... не жалуюсь.

Кадровик кивает с довольным видом:

– А он вас не знает. Давайте познакомлю.

– Простите?

– Давайте... познакомлю.

Я и ахнуть не успеваю, как в комнату входит английский язык, пробирается на тоненьких ножках, протягивает мне длинную руку.

Еле выжимаю из себя:

– Э-э-э... здравствуйте.

Кадровик всплескивает руками:

– Вы что, вы по-английски с ним, что вы по-русски-то...

– Э-э-э... гуд морнинг.

Английский отскакивает, недовольно фыркает.

Догадываюсь:

– Не понравилось ему?

Кадровик осторожно подсказывает:

– С произношением у вас что-то... попробуйте еще раз.

– Э-э-э... Гуд морнинг.

Английский язык сдержано пожимает мне руку. Не люблю я такие холодные рукопожатия, не люблю...

– Вот так лучше... – кадровик довольно улыбается, – а вы первый, кому он руку пожал, на остальных фыркал... что же... завтра в девять ждем вас в офисе...

Начинаю смущаться.

– Что он... что он на меня так смотрит?

Секретарша замирает в дверях:

– Не бойтесь... он вас изучает.

– К-как... изучает?

– Так... вы английский язык изучаете? Изучаете. А он вас изучает.

– Боязно как-то.

– Да не бойтесь, не кусается он... – секретарша смеется, – это же английский язык, а не английский бульдог, в самом деле!

Хочу сказать – ну, пока, спохватываюсь, говорю по-английски:

– Бай!

Английский язык не отвечает, стоит в дверях, машет хвостом, явно не собирается меня выпускать.

Осторожно спрашиваю:

– Велл?

Английский хватает меня зубами за рукав. Это что-то новенькое, он обычно на двух ногах ходит, а тут нате вам, встал на четыре лапы, машет хвостом... И главное, ни одной живой души в отделе не осталось, некому подсказать, что делать, некому цыкнуть – фу.

Если с английским языком вообще так можно обращаться, цыкнуть – фу.

Он снова тянет меня за рукав. Упираюсь.

– Не пойду я никуда, чего ты... э-э-э... Но! Но, но!

Английский язык лает мне в лицо:

– Летс... го.

Иду за ним, еще боюсь, но все-таки иду за ним, думаю, что мне может сделать английский язык, да мало ли что может сделать, только сейчас вспоминаю, что англичане нас недолюбливают...

– Не... не пойду я туда...

Смотрю на темный пустырь за городом, понимаю, что не пойду я туда, хоть режьте меня, не пойду...

– Не... не пойду.

Английский язык отчаянно машет хвостом:

– Летс го... пли-и-из, сэр...

Первый раз слышу в его сдержанном тоне что-то живое, человеческое. Кажется, он сейчас заплачет.

Осторожно спускаюсь с шоссе в траву, чавкает под ногами сырая мартовская земля.

– Что случилось-то? Э-э-э... what happened?

Английский язык снова лает:

– Ком он! Ком он!

Наконец, вижу, к чему он меня ведет. Что-то лежит на пу-стоши, что-то крылатое, хвостатое, мохнатое, что-то...

– Э-э-э... Вот из вет?

– He dies.

– Кто... кто умирает?

Английский язык говорит что-то непонятное, отчаянно мотаю головой, да-а, не знаю я английский...

– Колта! Колта!

Не понимаю. В отчаянии набираю номер шефа, даром, что время недетское, дело-то, похоже, серьезное...

– А еще позже нельзя было позвонить?

– Э-э-э... тут этот умирает.

– Кто этот?

– Колта. Меня английский язык привел...

– А, это дело серьезное... вы где находитесь-то?

– На пустыре за городом... на Калымском тракте, как на мост поворачивать...

– Эк вас занесло... ладно, счас подъеду. Вы поговорите пока с ним...

– С кем?

– С Колта.

– Э-э-э... а я языка не знаю.

– Верно. И никто не знает. Вот и умирает он...

– Можно курсы по изучению открыть... – говорит шеф.

Осторожно спрашиваю:

– По изучению чего?

Шеф не отвечает.

– Или книгу какую написать... на нём... или прочитать хотя бы. Хей, Инглиш, хэв ю а бук... оф Копта? Ну чего ты на меня так смотришь, ну не знаю я тебя толком... он вот знает, я нет, думаешь, просто так его, что ли, нанял?

Английский язык фыркает, тащит в зубах потрепанную книжонку. Шеф открывает, растерянно смотрит на страницы.

– Ни хрена не понимаю... а ты?

Смотрю на страницы.

– Не...

Что-то на траве беспомощно хлопает крыльями, затихает.

Мой шеф кивает:

– Аминь.

Осторожно интересуюсь:

– А это... а это кто был?

– Язык был. Колта-саамский.

– А это что за язык?

– А не знаю. И никто не знает... Теперь уже никто не знает.

Догадываюсь:

– Он поэтому умер... что про него забыли все?

– Ну...

Спохватываюсь, что у нас с собой ничего нет, никакой лопаты, или чем там можно вырыть могилу, или...

– Ничего не надо, – одергивает меня шеф, – само...

Не договаривает.

То, что было колта-саамским языком, медленно тает.

Английский язык запрокидывает голову, протяжно воет в темное ночное небо.

– Вы знаете русский язык? – спрашиваю наманикюренную девушку.

– Ну, ясное дело, знаю, вы чего?

– Фотографии свои с ним покажите.

– Чего?

– Ну, фотки есть у вас в Инстаграмме?

– Ну, есть, вот это в Париже я, это мы в этом, как его... в опере там какой-то... это вот Дубаи...

– А с русским языком у вас фотографии есть?

– Вы чё, откуда?

– Как откуда, вы русский язык знаете? Знаете. Значит, фотографии должны быть...

– Ой, да ну вас на фиг, я, блин, вааще на менеджера пришла, а не учителем русского, блин!

Мысленно ставлю плюстик в блокноте – еще одна.

– Английский язык сочувственно кивает мне из кресла, в котором устроился с газетой.

Мне не по себе. Думаю, что будет, когда Английский язык

прибежит ко мне среди ночи, позовет на помощь, а где-нибудь на пустыре будет лежать наш, родной, и я начну отчаянно вспоминать старинные названия веретен и коромысел, птицу Сирин и Алконоста, и что крик ворон называется во-ронограй...

– Осторожнее... на счет три прыгаете в седло...

– Ой, боюсь... – девчушка смотрит на меня огромными глазами, видно, и правда боится.

– Не бойтесь, ничего он вам не сделает, – улыбаюсь, про себя мысленно добавляю – может быть.

– Раз... два... три!

Подсаживаю девчушку в седло, её папаша косо посматривает на нас, еще бы, кто-то тут посмел его дочурку двенадцатилетнюю лапать. А как вы хотели, папаша, как мне её прикажете в седло сажать...

– Отлично... ну... начинаем...

Девочка считает, легко, без запинки:

– Ван, ту, фри, фор, фэйф...

Английский язык легко вышагивает по полю, переходит на легкую рысь. Девочка продолжает:

– London the capital of great Britain...

Английский язык легко прыгает через барьер.

Аплодисменты.

Вечереет.

Вешаю на дверь офиса табличку Close.

Перемигиваюсь с английским языком, ар ю окей, йес, ай эм окей...

Английский язык мотает головой, приглашает сесть верхом.

– До дома довезешь? Вот, спасибо... э-э-э... сенк ю вери матч...

Прыгаю в седло, Английский язык срывается с места, несется куда-то прочь от моего дома...

– Ты... ты чего?

– Не реагирует.

– Велл! Стоп, стоп!

Как будто не слышит. Думаю, вот оно, началось. Не знаю, что, но началось. Что мы вообще про них знаем, про языки, вот так ляпнешь на собеседовании – знаю, а что я вообще про него знаю...

Английский язык останавливается возле клиники, не успеваю спешиться – поднимается на две ноги, хватается меня за руку...

– К-куда?

– Ком он...

Делать нечего, иду, успеваю схватить бахилы...

– Ой, нет, нет, – расфранченная тетка машет руками, – это нам не надо уже, нам бы базовый уровень...

Еще пытаюсь возразить:

– Ну что вы, у вашей дочки такие способности...

– Да какие способности, на хрена эти Шекспиры нужны кому-то! Нам бы разговорный уровень... Настюша в Лондон на каникулы едет...

– Всё, всё в порядке, – кивает врач, – говорю вам, на ранней стадии схватили, чисто все вырезали... Все бы так вовремя приходили, глядишь, не умирали бы люди... а то припрется, когда там опухоль уже все изнутри подчистую сожрала...

Вздрагиваю.

– Вы-то чего вздрагиваете, у вас нормально все... этому вашему спасибо скажите...

Кивает в сторону английского языка. Вспоминаю слова секретарши, как-то не к месту и не ко времени:

А вы что хотите... вы изучаете английский язык, он изучает вас...

Стук повторяется.

Нет, это не стук. Грохот. Так бывает, когда в дверь стучат ногами, да не просто стучат – пытаются сломать...

Вспоминаю, где у нас тревожная кнопка, нигде у нас тревожная кнопка, мы же умные, мы же на охране экономим, мы же думаем, сами кого хочешь одной левой зашибем, даром, что пять раз отжаться не можем...

Снова грохот.

Делать нечего, подхожу к двери.

– Кто там?

– Открывай живо!

Неизвестный добавляет несколько слов, которые говорить нельзя.

– А вам чего?

– Живо давай открывай!

Снова грохот. Открываю, пока этот кто-то не вышиб дверь. Смотрю на здорового детину с окладистой бородой, думаю, сколько я продержусь против него. Нисколько.

– Глухой, что ли, я те стучу, а ты...

– А вы кто?

– Не узнал, что ли?

– Н-нет.

– Вот так, в резюме он пишет, знаю, знаю, а так, в лицо, значит, нет...

Спохватываюсь.

– Узнал.

– То-то же... – Русский Язык кладет на диван что-то обмякшее, лежащее на его плече, – вот... спасти его надо.

Смотрю. Не верю себе.

– Но...

– Умирает, чего но...

– Да как умирает, я этих вон учу-учу... – показываю на вывеску, курсы английского, недорого...

– Чему ты учишь? Чему ты их, блин, учишь? Здравс-
сьте-до-свидания-дайте-мне-один-билет-до-Лондона... Они
у тебя хоть книжки-то читают?

– Где им...

– А ко мне-то чего, это в Лондон куда-нибудь надо...

– Чего в Лондон, можно подумать, в Лондоне сейчас мно-
го читают... Можно подумать, знает его там кто-то... при-
вет-пока-как-дела...

Смотрю на то, что лежит на диване, бледное, эфирное,
бестелесное.

Хватаю с полки первую попавшуюся книгу, открываю...

Humpty Dumpty sat on a wall,
Humpty Dumpty had a great fall...

Что-то бестелесное пожимает мою руку, крепко, сильно,
сердечно...

2016 г.

Кольцевая

– Ну что... асфальт дробить умеем?

Честно отвечаю:

– Нет.

– Это хорошо, что честно сказал... а то прискачет такой орел, я и то могу, и это могу, а как до работы пойдет, так и хвост поджимает...

Молчу.

– Чего скис-то... научим, не впервой.

Догадываюсь:

– Это отбойным молотком стучать?

– Им самым, дыр-дыр-дыр, дыр-дыр-дыр...

– Голова заболит...

– А ты как хотел, на работе всегда голова болит... голова не болела бы, так не платили бы столько.

Наконец, спрашиваю:

– Сколько?

Дядька называет сумму.

– Вау...

– А ты чего хотел, хозяин у нас щедрый, не чета некоторым... Ну пошли...

Идем в рассветный туман, где-то пробивается сонное чирикание, гулкое мм-у-у-у-у, где-то шуршат шины.

– Ну что... вот здесь долбить будем.

Дядька идет к полотну шоссе, ставит знак дорожных работ.

– Ну давай... вот так молоток держишь... теперь долби... давай... потихонечку... да чего ты боишься его, не сожрет он тебя, чего ты в самом деле?

Хочу отшутиться, а вдруг сожрет, не отшучиваюсь.

Голову пронзает грохот молотка, спрашиваю себя, почему у дятла голова не болит...

Палит солнце.

Клубится пыль по дороге.

– Устал?

– Есть маленько.

– А то давай отдохнём. Время есть еще.

– Сколько?

– Да вся жизнь.

– Я серьезно.

– И я серьезно. Куда торопиться-то...

Вечереет.

Смотрю на дорогу, вернее, на то, что от неё осталось, глубокий поперечный провал делит дорогу надвое.

– Это зачем? Трубу будем прокладывать?

– Увидишь... отдыхай пока...

Отдыхаю пока. Смотрю на вереницу машин, которые так и стоят, так и ждут незнамо чего. Не нравится мне, как они

на меня смотрят, не нравится, отворачиваюсь, ухожу к холмам, с вершин которых видны окрестности, хоть посмотрю, где мы находимся, пока туман не выпал...

Оглядываюсь.

Не верю себе, с ума я сошел, что ли...

Очень похоже.

Нет, не сошел с ума, всё так и есть, длинное шоссе, замкнутое в кольцо, вереница машин, насколько хватает глаз, и вдоль дороги – города, города, города, сходу и не поймешь, то ли это разные города, то ли один и тот же город. Нет, вроде один и тот же, начинается на самом горизонте, поднимается из пепла, растет – и снова падает, разрушенный войной.

– Любуешься?

– Это чего?

– Кольцевая, чего... замкнулась, вишь...

– Вижу.

– Вот так и крутятся... Свергнут кого, потом опять поставят, только-только города отстроят, и опять по новой бомбы на город бросать...

Молчу. Не верю. Не понимаю.

– Отдохнул?

– Вроде да.

– Вот и молодец, давай дальше работать.

Спрашиваю еще раз:

– Трубу прокладывать будем?

– Да нет, тут не трубу, тут другое...

Спускаемся с холма, уже почти темнеет, светлой остается только дорога в сиянии фар.

Ждут автомобили.

Ждут люди за рулем.

Ждут.

– Ну, давай... хватайся с той стороны.

Дядька хватается за край шоссе. Хватаюсь за асфальт, не понимаю, что мы будем делать.

– Тяни... потихонечку.

Тяну – дорога поддается удивительно легко, несую её, как легкую скатерть, сам пугаюсь этой легкости.

– Ты тише там, не урони... выпустишь, не поймаешь потом...

– Держу, держу.

– Все вы так говорите, а потом как отпустит, потом ищи-свищи...

Не отпускаю. Тяну плотно шоссе дальше и дальше в темноту ночи.

Чуть погодя понимаю, что дорога кажется легкой только сначала, – чем дальше, тем труднее волочить, останавливаюсь, перевожу дух, дядька терпеливо ждет меня, приговаривает что-то, что легче бы без остановок дойти...

Хочу спросить, до чего дойти, тут же вижу, отрезок дороги далеко впереди, шоссе уходит вдаль, к парящим в небе мегаполисам на горизонте, к чему-то легкому, полупрозрачному, космическому...

– Вот туда и тащим... это продолжение дороги нашей, – кивает дядька.

– Понял... а... а кто нашу дорогу замкнул?

– А черт его знает...

– Может, сама?

– Может... ну давай... присоединяй осторожно...

– Пришить, может? Или еще чем скрепить?

– Не бойсь, сама прирастет... вот так...

Прикладываю дорогу, смотрю, как она притягивается к полотну будущего.

– Ну, вот теперь...

Дядька не договаривает, слышу оглушительный вой сирен, как кажется – со всех сторон.

– Началось, – шепчет дядька, добавляет несколько слов, которые говорить нельзя.

– Что началось?

– Да что, известно что... – дядька отчаянно машет рукой все еще неподвижным машинам, – э-э-эй, сюда давайте! Живо! Путь открыт, м-м-мать вашу!

Кто-то замечает дорогу, кто-то давит на газ, две, три, четыре машины едут вперед...

Надрывается сирена.

Дядька орет:

– Живее!

Добавляет еще пару словечек, которые говорить нельзя.

Что-то происходит, что-то опускается с неба, какие-то

тени, какие-то всполохи, не двигаться, вы окружены, всем оставаться на местах... Кто-то хватает меня, сбивает с ног, катимся с кем-то по склону холма...

– Вы... вы чего?

– Чего-чего, сейчас бы арестовали нас на хрен...

– К-кто бы арестовал?

– Кто, эти, кто... дорогу-то мы им раскурочили, вот они и злые как черти...

– А что, нельзя было раскура... раскурочивать?

– Нельзя, конечно... они дорогу замыкали-замыкали, мы тут напортили все...

– А нам чего теперь будет?

– Ничего не будет, не бойсь, не увидят нас... Ох, забежали-забежали, замаются сейчас петлю-то снова запетливать...

– З-зачем... запетливать?

– Зачем-зачем, чтобы в будущее не пустить, что непонятно-то...

– А зачем в будущее не пустить?

– А это ты у них спроси... чш, куда поперся-то, так и бошку с тебя снимут...

Прячусь в кустах, смотрю, как эти сверху снова разрывают дорогу, снова тащат шоссе назад, замыкают в петлю.

Успеваю заметить и еще кое-что.

А дядька заметить не успевает, сжимает мое плечо:

– Сколько их было? А?

– Десять... не, вру. Двенадцать.

– Отлично. Проскочили.

Говорю зачем-то, сам не знаю, зачем:

– Трое на машине, трое на велике ехали, один пешком...

Ладно, ладно, неважно... ехали медведи... на велосипеде...

Смотрю туда, где только что было продолжение трассы – дорога тает в тумане, исчезает.

– Черт...

– Ничего... всегда так бывает... человек десять перейдет, и хорош...

Дядька разливает чай.

Смотрю на календарь на стене, не понимаю.

– Чего-то с календарем у вас...

– А чего?

– Две тыщи двадцать восьмой.

– Ну, что ты хочешь, сколько лет прошло...

Молчу. Здесь нужно что-то сказать, только я не знаю, что.

– Ничего... Счас, передохнем, успокоятся они, мы дальше пойдем долбить...

Хочу спросить, кто они.

Не спрашиваю.

– Да черт их знает, кто они...

Вздрагиваю.

– Я же не вслух сказал.

– Да все одно и то же спрашивают.

– А что... до меня другие были?

– Были, конечно.

– И...

– Что И... подстрелили их всех... эти там...

– Да вы чего?

– Чего-чего, думал, нас тут пор головке гладят? А вот фин тебе... Чего побледнел, боишься, домой иди... Я серьезно, здесь выжить, это мужество какое надо...

– Ничего... выдержу...

– Ну, смотри...

– А это... А мы сами туда не пойдём?

Показываю в ту сторону, где продолжается шоссе.

– Не-е, парень... мы тут нужнее...

Киваю, нужнее так нужнее.

– Ничего... как-нибудь потихоньку... переведем людей... сколько сможем... спать ложись давай, завтра продолжим...

Осторожно спрашиваю:

– А... а завтра мы к какому времени дорогу снова соединим?

– Ишь ты, шустрый какой... может, вообще не соединим, если непогода какая будет...

– А если не будет?

– Ну... часикам к шести...

– Ага, ясно...

Ухожу в комнатенку, которую мне выделили, чтобы спать, осторожно проскальзываю в комнату, которую дядька мне отвел для ночлега.

Прислушиваюсь.

Открываю окно, бесшумно выбираюсь на улицу, в холодок ночи, достаю телефон.

Вызваниваю хозяина.

Длинные гудки.

Жду.

– Ну что вы там, нашли урода этого, который дорогу режет?

Это начальник. Вот так, ни тебе здравствуйте, ни тебе до свидания, это на нашего шефа похоже...

– Не... не нашел.

– А чем вы занимались вообще, позвольте узнать?

– Чем... искал его.

– Пока вы его искали, он еще раз дорогу разрезал, тринадцать человек сбежали!

Ёкает сердце, значит, тринадцать.

– Ищите хорошенько...

– Ищу.

– А то, может, подкрепление прислать?

– Да что подкрепление, я что, с одним человеком не разберусь?

– Ну, смотрите у меня...

Хочу ответить – буду смотреть, не успеваю.

Короткие гудки.

Набираю другой номер.

Жду.

– Алло.

– Завтра... часам к шести к шоссе подходите.

– Мне одному подходить?

– Чего одному, все подходите... кто хочет...

– Да мало желающих что-то... добрая половина только храблятся, а как до дела дойдет, так в кусты.

– Ну, хоть сколько-то, уже хорошо... Ну, давай.

– Давай.

Короткие гудки.

Осторожно пробираюсь обратно в окно, вытягиваюсь на постели.

Светится шоссе на горизонте в лучах фонарей.

Хороший автор

Вчера был метеоритный поток.

Сильный.

Крепко потрянуло, очень крепко, в другом случае я бы подумал, что все, хана кораблю.

В другом.

Но не в этом.

Знаем же, что автор о нас позаботится, ну как о нас, не обо всех о нас, конечно, из второстепенных кто-то, может, и умрет, но не из главных. Правда, поди, разбери, кто из нас главный, кто нет, вроде всё вокруг Эллы с Аланом крутится, да кто их знает.

Побоялись, конечно, не без этого.

Ничего, обошлось.

А как не обошлось, автор о нас заботится, на то он и автор, чтобы вести наши судьбы, продумывать все до мелочей. У него, должно быть, и план где-нибудь расписан, что да как дальше с нами будет. Это я так считаю. Алан, правда, уверяет, что автор сам толком не знает ничего, пишет, как душа попросит, куда фантазия заведет.

Вот так мы с ним и спорим.

А сегодня мимо черной дыры прошли. Элла, правда, сказала, что здесь черных дыр быть не может, автор маху дал. Ну да ничего, с кем не бывает, это же книга приключенче-

ская, а не трактат по астрофизике.

Так-то автор ничего, нормальный, вроде и в космосе разбирается, и в космонавтике. Не то, что некоторые, кто скажем, про крестовый поход пишет, а сам на лошади не сидел никогда. Мы даже порой думаем, автор сам у нас летал куда-нибудь. А что, всякое бывает.

Хороший у нас автор. Сейчас же вообще никто про космос не пишет, сейчас всем колдунов и драконов подавай, и всякое такое. А этот про космос пишет. Так, глядишь, люди снова к космосу потянутся, не все же в смартфоны смотреть. И задумал так хорошо, половина людей на корабле дежурит, половина в анабиозе спит.

Сегодня Элла умерла.

От Эллы вообще никто такого не ожидал. Про неё же думали, что главная она, главная героиня. Второстепенным умирать можно, а главным нельзя. А она вот как, взяла и умерла. Спать легла и не проснулась. Страшно так.

Да все страшно было. И когда второстепенные герои вот так же во сне умирали, тоже страшно было, но не так страшно.

А тут Элла.

Главная.

Ну, мы так думали, что она главная.

Похоронили с почестями, автор постарался, понял, что жалко нам Эллу, похороны на три страницы расписал, некро-

лог, кремацию, все такое.

Хороший у нас автор.

Очередной всплеск эпидемии.

Как-то странно даже, всплеск эпидемии, а автор об этом два слова чиркнул, мне даже времени не дал трупы осмотреть, отчет написать. И то правда, если каждый раз автор расписывать будет, как у нас люди умирают, читать скучно будет.

Все-таки смотрю умерших, сегодня их двое, женщина средних лет, и Алан. От Алана тоже никто не ожидал, что он умрет. А вот нате вам. Составляю отчет, кожные покровы чистые, на шее справа две красные точки...

– Капитан... можно?

Капитан смотрит на меня, думает, сразу меня с корабля выкинуть, или подождать.

– Срочное что-то?

– Ну да. Тут вот что... я посмотрел... эпидемия всегда на полнолуние начинается.

– Какое ты здесь полнолуние видишь, парень, окстись...

Ну, не здесь... ну на земле в это время полнолуние должно быть.

Оба вздрагиваем при слове – на земле. Уже и забыли, как оно там, на земле. Даже странно, вроде десять лет землю не видели, вроде здесь уже можно от тоски головой об стенку

биться, а ничего не чувствуем. Похоже, автор и не понимает, что здесь надо на стенку лезть, автор, поди, дома сидит, на Земле. Или у него какая-нибудь отдельная глава будет про то, как мы по Земле истосковались.

– И чего?

– Ну... в следующее полнолуние опять нужно чего-то ждать.

– Это автор тебе сказал?

– Не... это до меня до самого дошло.

– Ты погоди, не торопись, вперед автора не беги. Автор разгадку эпидемии через двадцать глав задумал, а ты уже сейчас всё разгадаешь.

– А в это время люди будут гибнуть? Да?

– А куда деваться... Не бойся, автор у нас что надо, он нас в беде не бросит...

Да, автор у нас что надо.

По крайней мере, ни один из людей в анабиозе не погиб. Вот сейчас хожу, проверяю, температуру, давление, всё при всем, все живы-здоровы, никто не умер.

Никто не умер...

Только сейчас до меня доходит, что вирус, или что там, поражает только тех, кто не спит.

Тех, кто не спит...

Надо проверить...

Думаю, а не погрузить ли нам в сон всех – тут же переду-

мываю, откуда я столько ледяных саркофагов возьму, если у нас их здесь нет...

Шаги.

Там, в стороне. Отчаянно думаю, что мне делать, вот что значит, автора рядом нет, подсказать некому...

Осторожно выглядываю из-за ледяных гробов, вижу капитана, роется в моих отчетах, что он там забыл...

– Парень... ты чего мне не сказал-то?

Парень... у меня даже имени нет, я уж точно не главный герой...

– Что не сказал?

– Да вот... про красные точки...

– Автор не велел...

– Про полнолуние, значит, автор не велел, так сказал, а про точки молчок?

– Я не думал... Что так важно...

– Не думал он... индюк тоже не думал... или наоборот, думал... не помню. Ты мне вот чего... где у нас там чеснок хранится?

– Колбаски с чесноком жарить будем?

– Ага, из тебя... Пора уже, откормили на славу... ты не слушай, это я шучу, а то вон, племяннице моей какая-то сволочь про фигуру что-то там вякнула, девка себя голодом уморила...

– Не, я не такой.

– Это молодец, что не такой... ну давай... чесночок неси.

Делать нечего, несучеснок...

– И чего ты притащил? Расщедрился... Весь неси.

– А на Земле Обетованной что сажать будем?

– Парень, если сейчас чеснок не достанем, вообще хрен до Земли Обетованной долетим.

Выволакиваю чеснок, сколько есть, капитан тащит деревянные перегородки не пойми откуда, стенку шведскую, что ли, разобрал...

– Принес? Ну, молодца... теперь поможешь мне...

Не выдерживаю:

– Да что случилось-то вообще?

– Что, что... понял я... кто тут главные герои... Догадался я... что не мы...

Смотрю, как капитан открывает первый саркофаг. Схватываюсь:

– Деревом вы не возьмете, осина, она вообще мягкая, а теля заледенели.

– И чего предлагаешь? Разморозить?

– Не... сначала железкой какой ткнуть...

– Тоже дело говоришь...

– Я знаете, чего подумал...

– Индюк тоже думал. Или не думал?

Капитан вопросительно смотрит на меня, будто ждет, что я ему скажу про индюка.

– Так если главные герои не мы были... а эти... так откуда

вообще на корабле чеснок взялся? И колья?

– А ты как думаешь?

Хлопаю себя по лбу:

– Ну конечно... Автор-то у нас вообще молодец, это он продумал, чтобы мы...

– Автор, говоришь?

– Ну а кто же...

– Кто... ваш покорный слуга, кто...

– Вы?

– Ну... Мне так сразу и сказали, когда корабль снаряжал... чтобы никакого чеснока. Я еще подумал, какого черта я вообще бы чеснок этот на корабль потащил, делать, что ли, больше нечего, вот так, летит наш Пилигрим, а за ним чулки с чесноком летят на привязи, как у бабки в погребе... Только потом смекнул... если запрещают, надо брать. Характер у меня такой поганый по жизни, если где чего скажут, нельзя, значит, надо. Ну и колья эти тоже... главный как увидел, заорал, только не такие.

– Вы тогда догадались?

– Не... тогда еще нет. Потом уже, когда ты про полнолуние сказал. А там я и отчет посмотрел, тогда всё и сошлось. С точками-то на шее...

– Круто вы...

– Чего круто. Ты вот чего подумай... я когда собирался, мне сказали, чтобы я кривые зеркала с собой не брал.

– Зачем нам...

Осекаюсь.

Начинаю понимать.

– А... а кто кривых зеркал боится?

– Да вот я и думаю... кто...

2016 г.

Кто убил Лондон

- А это еще что?
- Ч-ш-ш, не вздумай стрелять...
- Да не стреляю я...
- Вот и не стреляй...

Смотрю, ничего не вижу через заросли, – что-то огромное, массивное пробирается через лес, гулкими ударами впечатывает ноги в поросшую травой землю.

Хочется сбежать. Потому что никакая дробь не возьмет это, что бы там ни было.

Егорыч косится на меня:

- Вон он... там остановился...
- И чего делать будем?
- Пойдем, глянем.
- А стрелять... не будем?
- Чего стрелять, в таких не стреляют.

Иду за Егорычем, вынимаю смартфон, Егорыч недовольно качает головой.

- Не... не снимай.
- А что так? Застесняется он, что ли?
- Да нет... Не проявляются они...

Мне становится не по себе. Еще больше хочется бежать. Прочь из этого леса, куда глаза глядят, пропади оно всё, и Наташка пропади, кто ж знал, что батя у неё на охоте по-

вернутый...

– Ну, вот... гляди...

Смотрю перед собой, не понимаю. Нет, конечно, мы тут изрядно по лесу плутали, я уже даже и не скажу, в какой стороне Омск, если есть вообще какой-то Омск. Но что мы к самому Лондону выйдем, этого как-то не ожидал.

Смотрю на громадину Биг Бена, почему-то увенчанного шляпой, Биг Бен тарашится на меня совиными глазами-циферблатами. Поднимается Тауэрский мост, пропускает то ли круизный лайнер, то ли я не знаю, что.

– Нравится? – Егорыч прищуривается.

– Круто... Это... это как это?

– А вот это мы и выясним. Я еще вчера заметил, вот тоже как ты сейчас глазами квадратными смотрел, думаю, вроде и не пил сильно, а тут на тебе... хорош ты, Егорыч, к тебе завтра зять будущий придет, а у тебя тут горячка белая приключилась... Потом смотрю, не, не горячка, так оно и есть всё... Ну пойдём поближе...

Идем поближе, до меня доносятся шорохи машин, шум улиц, обрывки каких-то мелодий, из тумана появляется витрина, украшенная резными тыквами, чуть поодаль сверкают электрические снежинки на заснеженной аллее...

Не понимаю еще больше:

– А у них сейчас что? Зима, осень? Или это, – киваю на витрину, – убрать не успели?

– Ты смотри, смотри... ты...

Егорыч не договаривает, откуда-то из ниоткуда вырывается автобус, огромный, красный, многоэтажный, несется на меня, Егорыч хватает меня за руку, отходи-отходи-отходи...

...падаем в заросли, только сейчас чувствую мелкую дрожь.

– Чего, жив остался?

Еле выжимаю из себя:

– Ж-жив.

– Ты мне вот что скажи... ты что помнишь?

– Автобус помню, что... этажей пять было...

– А еще?

– Витрину с тыквами... аллею... фонари...

– Ты мне вот чего скажи, ты на аллее чего-нибудь заметил?

– заметишь тут, когда...

Егорыч встряхивает меня:

– Заметил?

– М-м-м... карета там стояла... с лошадыю... и человек там ярдом стоял... в цилиндре вроде бы...

– Ага... лошадь в цилиндре... то бишь, карета... то бишь... ну да. Ты мне вот что скажи... вот как думаешь, карета эта там была, чтобы людей развлекать, ну как бывает в Новый Год ослика там какого запрягут... или... или настоящая?

– Да откуда же я...

– Не знаешь? А ты мне скажи, там внизу асфальт был... или чего?

– Мостовая вроде... обледенелая...

– Вот оно что...

Егорыч не договаривает. Город в тумане поднимается с хрустом и скрежетом. Не сразу замечаю четыре высоченных дома – две старинные башни, два небоскреба – опираясь на которые, стоит город. Башни шевелятся, взад-вперед, взад-вперед, город уходит в туман, замирает у реки, наклоняет еще одну огромную башню, жадно пьет. Резкими размашистыми скачками исчезает в лесу.

Убираю смартфон.

– Фоткал-таки?

– А чего...

– Ну, посмотри, чего там вышло...

Смотрю. Ничего не вышло, легкий туман над рекой.

– Говорил тебе, не отображаются они...

Вспоминаю.

– Я еще, знаете, человека там заметил... в автобусе... в кепочке такой... с трубкой...

– С телефоном?

– Не, с такой... ему еще кто-то там втолковывал, что курить в автобусе нельзя...

Наташка сонно бормочет:

– Куда ты в такую рань?

– Да чего в рань, мне батя твой лёжку показать обещал...

– Какого, на хрен, Лёшку?

– Ну, где этот зверь лежит...

Наташка отворачивается, обиделась, ну и ладно, на обиженных воду возят. Странное дело, раньше бы сквозь землю провалился, если бы Наташку обидел, а тут ничего не чувствую, ничегошеньки...

Набрасываю куртку, выбираюсь в предрассветный туман, в котором виднеется силуэт Егорыча. Егорыч сегодня без ружья, значит, пойдем на этого... этого... Я тут за ним понаблюдал, смекнул...

Не выдерживаю:

– А это вообще кто?

– Лондон, кто.

– Так Лондон же... в Великобритании.

– Ну, это ненастоящий Лондон. Выдумал его кто-то.

– К-кто выдумал?

Человек какой-то, кто... Вообще фантазия что надо у него работала, похоже, писатель... Ты молодец, что мужика этого в автобусе заметил... с трубкой...

– И чего?

– А того. Не узнал его?

Пытаюсь отшутиться:

– Шерлок Холмс, не иначе.

– Вот-вот, верно. Это человек какой-то придумал, что

Шерлок Холмс из прошлого в наши дни перенесся... из книжки, что ли, выпал, не знаю. По городу ходит, удивляется, как ноут включить, не знает, утром разворачивает Таймс, – предпочитает старую добрую бумажную газету. Ну и преступления расследует, не без этого. У автора вроде еще Человек-Невидимка из книжки выпал, убил там кого-то... автор-то сам в Лондоне и не был никогда...

– А вы откуда знаете?

– А ты этот Лондон его видел? Сразу видно, не знает ни хрена... На какую улицу ни завернешь, отовсюду Биг Бен виден, и аббатство это... Вестминстерское... и мост Тауэрский туда же. В один переулок свернешь, там витрины с тыквами, тут же аллея заснеженная, тут же этот ихний день Леди по весне... ну когда бабы в дурацких шляпах с ведрами пива ходят, Шерлок Холмс за сердце хватается, Ватсон, если у меня когда-нибудь будет жена, я воспитаю её так, что она в жизни не пойдет на эту вакханалию... Видно, автор каких-то новостей про Лондон насмотрелся, да и написал... или не написал, так, в голове сочинил...

– А по лесу чего этот Лондон шарится?

– Да много их тут шарится. Автор подумал-подумал, забросил, вот и шарятся, неприкаянные. Но этот какой-то сильно мощный, как настоящий прямо...

– А автор его бросил?

– Да вот и странно даже, что бросил, вроде как дурень с писаной торбой с историей этой носился... – Ч-ш-ш...

Замираю. Смотрю, куда показывает Егорыч, вижу за деревьями очертания Лондона, который не Лондон.

– Я тут что заметил... он на этой полянке околачивается...

– Гнездо у него там? Или... – вспоминаю нужное слово, – лёжка?

– Да то-то и оно, что не бывает у них лёжек никаких. Вот я и думаю, чего он тут крутится...

– А мало ли... может, еще одну такую фантазию встретил, щенки у них там вывелись...

– Ну, мечтай, мечтай... давай посмотрим... что там...

Идем на поляну – город вздрагивает, подскакивает, отступает в заросли, поглядывает на нас, как бы мы не забрали то, что он охранял...

– Вот оно... смотри...

Смотрю. Вздрагиваю. Зачем-то проверяю пульс, хотя ясно-понятно, что этот истлевший скелет не может быть живым.

– Вон чего... автор умер, а фантазия его так и ходит...

– Отчего... умер?

– Я почему знаю... Бывает, в лес пошел, тут сердце и прихватило, и готов. Или спился, может...

– А это чего?

– Где чего?

– Вот... смотрите...

Поднимаю то, что сначала принял за камушек.

– Вот те на... – Егорыч вздрагивает, – пуля и есть...

– Убил его кто-то.

– Убил? Дело-то дрянь...

Осторожно говорю:

– В полицию надо.

– И чего полиция? Ну, протокол составит... хрен они искать будут, кто его грохнул...

– А если... – осторожно подхожу к Лондону, он вздрагивает, пятится от меня.

– Боится он тебя, чего ты...

– Чего боится, я ему ничего не сделаю.

– Откуда он знает, чего ты ему ничего не сделаешь...

– Приманить бы его чем-нибудь.

– Чем?

– Ну... – задумываюсь, – а чего они едят вообще?

– Да ничего они не едят, в том-то и дело.

Отступаю, понимаю, что чужая фантазия ко мне не пойдет.

– Ничего... пообвыкнет, – утешает меня Егорыч.

– Вон он там... смотри!

Наташка недовольно кривит губы:

– Ну что ты там углядел... пошли уже, не бойсь, папки нету, можешь из себя больше любителя охоты не строить...

– Да при чем здесь любитель охоты...

Бегу в темноту леса, где снова мелькнула башня Биг Бена, увенчанная шляпой. Сбавляю шаг, крадусь осторожно, вы-

тягиваю руку, тц-тц-тц, на-на-на...

Лондон осторожно подходит ко мне, нюхает руку, вот черт, а мне и угостить его нечем. Не теряюсь, вынимаю смартфон, выискиваю свежие новости Лондона, призрачный город слизывает буквы, слова...

Осторожно вхожу в город, осторожно оглядываюсь, чтобы не попасть под автобус. Автобуса нет, ничего нет, город как будто расступается передо мной, тускнеет, меркнет.

Прохожу мимо витрины с тыквами, по заснеженной аллее, поеживаюсь от холодка, извозчик вежливо приподнимает цилиндр, не желаете ли кэб, сэр?

– Скажите, пожалуйста, вы не видели здесь человека в таком... кепи... с трубкой... с такой...

Ловлю себя на том, что говорю по-русски, какого черта я тут по-русски трещу, можно подумать, меня кто-то понимает. А нет, он и сам со мной по-русски говорил, ну конечно, Лондон-то ненастоящий...

– А-а, вон там, на набережной, – кэбмен вежливо приподнимает шляпу, – счастливого пути, сэр!

– Б-большое спасибо.

Спешу по набережной, которая все больше тает в лондонском тумане. Призрачный город меня боится, призрачный город меня не принимает, тает, рассеивается...

Устремляюсь к одинокой фигуре возле моста, смотрю на худого мужчину, сквозь которого просвечивают очертания деревьев.

– Вы знаете, что вашего хо... м-м-м... создателя убили?

– Он меркнет еще больше, наклоняет голову, похоже, услышал меня.

– Кто-то убил его... вы можете расследовать это дело?

Лондон окончательно тает в тумане, я не успеваю заметить, кивнул он мне или нет.

Оглядываюсь, пытаюсь вспомнить, что я делал, когда делал, куда шел...

А да.

Наташка.

Невеста моя.

Уже бывшая, потому что после такого она меня и знать не захочет.

Все-таки продираюсь через заросли, плохую дорожку я выбрал, как раз на ту полянку выберусь, где мертвец лежит...

Наталкиваюсь на Наташку, чего она тут делает, сидит на корточках перед трупом, перебирает какую-то хрень у него в карманах, что делаешь, еще подцепишь тут что-нибудь...

Говорю, сам пугаюсь своего голоса.

– Ты чего, еще заразу какую подцепишь...

Наташка смотрит на меня, глаза красные.

– Это Димка.

– Какой еще Димка?

– Какой-какой, обыкновенный... Он в сентябре пропал,

еще в том году... Я думала, вот скотина такая, надоела я ему, видите ли... А он вон чего... у-мер...

Даже не успеваю приревновать, Наташка прижимается ко мне, всхлипывает, обнимаю, не знаю, что делать, ничегошеньки я про Наташку не знаю, она и не говорила, что когда-то какой-то Димка был...

– У-мер...

– Убили его.

– Чего?

– Убили, чего.

– Да ты чего...

– Ну...

– К-кто?

– Да черт его знает... Ну что ты на меня так смотришь, найдем мы убийцу, найдем... Главное, Лондон снова най-ти...

– К-какой Лондон?

Смотрит на меня, как на психа.

Вытягиваю вперед ладони.

– Счас, счас, объясню...

2016 г.

Эрик

Снова звонят в дверь – резко, нетерпеливо, так и кажется – если сейчас не открою, вышибут ко всем чертям. Холлодею – а Эрик-то здесь, Эрик-то у меня, хоть и знаю – его не поймать, а так и переворачивается все внутри – а если поймают...

Звонят...

– Иду! Иду! – хочется добавить что-нибудь резкое, нецензурное, отмыкаю щеколду, распахиваю дверь...

– Алена! Аленушка, долг-то я тебе принесла...

Вздрагиваю. Вот бабульку черт принес не вовремя, да ее всегда черт приносит не вовремя. И вот уже хоп-хоп, как у себя дома, к двери комнаты, ну какого тебе там надо, какого...

– Да... давайте уж на кухне рассчитаемся...

– Ой, Аленушка, я у тебя там цветок такой видела, это же алой, да? Я все росток хотела...

Проклинаю все на свете. Вломится в комнату, а там Эрик, вот и начнется, откуда Эрик, что за Эрик, а завтра весь дом будет знать, что – Эрик, а там и до Них дойдет, там и Они придут, Они-то уже не будут спрашивать, что у меня за алой в комнате...

Они...

А может, и бабулька тоже из Них...

Бабулька...

Даже имени не знаю...

Распахивает дверь. Вздрагиваю, так и жду, что выхватит соседка из-под кофты гранатомет, и начнется...

– Вот-вот, алой-то этот, ну я у тебя росточек-то возьму?

Захожу в комнату – на ватных ногах. Оглядываюсь. Эрика нет. Даже нагибаюсь, делаю вид, что поправляю кромку ковра, заглядываю под кровать. Уже знаю – Эрика нет. Пустая комната, распахнутое окно. Двенадцатый этаж.

– Вот, сто, двести, триста... Ты уж отвернись, Аленушка, я у тебя росточек-то...

Отворачиваюсь – к распахнутому окну, по привычке смотрю вниз, ищу окровавленные останки, знаю – ничего нет. Эрик, Эрик, все еще не могу привыкнуть к твоим вывертам...

Быстрее бы эту бабку черт унес...

– Что, Аленушка, чайку-то у тебя не най...

– На работу опаздываю.

Беру сумку. Спыхватываюсь, что стою в тапочках, надеваю туфли. Уйди, уйди...

– А, ну я зайду как-нибудь... а то я у тебя еще там на балконе кактус видела...

Захлопывается дверь. Возвращаюсь в пустую комнату – спугнула-таки Эрика, моего Эрика, он птица осторожная...

– Ушла?

Вздрагиваю. Вот он, стоит у окна, не бледный – белый, как

смерть, зябко кутается в рубашонку.

– Ушла...

Выглядываю в окно, на гладкие стены, крепко сжимаю подоконник, нет, не могу, страшно, шарахаюсь назад.

Эрик посмеивается. Как-то не по-людски, по своему, будто пофыркивает животное.

– Такой вот у вас... не проживает?

Человек в форме сует мне карточку. Хочется брякнуть – первый раз вижу, спохватываюсь: это будет как-то... фальшиво, что ли...

– М-м-м... не знаю, у нас много кто в подъезде...

– Да нет, не в подъезде. В вашей квартире.

Делаю большие глаза.

– Одна я живу. Еще не хватало, кого-то к себе...

– Ну... он не заходил к вам, никогда?

– Чего ради?

– И так... не встречали?

– Да не припомню.

Смотрят на меня – с ненавистью, а ничего вы со мной не сделаете, нет его здесь, нет... хоть на тридцать три раза обойди дом, не найдешь... А ведь ходят, вынюхивают, кажется, еще вот-вот – выпустят какие-нибудь антенны, шупальца... И запах от них... терпкий такой запашок, от людей так не пахнет...

Ушли... Идите, идите, дать бы вам еще пинка под зад...

закрываю дверь, распахиваю окно в комнате – настужь, ночной ветер кутается в занавески.

Жду.

Ты подожди, любимая...

Мы будем вместе...

Вот увидишь, я вернусь, и все будет хорошо, когда-нибудь мы будем вместе, уже насовсем, навсегда... Только это не сейчас, это потом, когда одолею их всех, всех, вот этих, осклизлых, черно-зеленых, летящих за мной через звезды...

Бегу – отталкиваюсь от еле заметных частиц в вакууме, бегу, осклизлая тварь уже совсем рядом со мной – стреляю, выстрелом меня отбрасывает куда-то далеко-далеко, тем лучше, может, так и оторвусь от них...

Черта с два оторвусь...

Ты подожди, любимая...

Будем вместе...

Знала бы ты, что я делаю здесь, в пучинах космоса, один – наедине с галактическими армиями, знала бы ты, как долго тянется этот бесконечный бой... Ты знаешь. Когда я говорю – ты киваешь, ты делаешь вид, что веришь, может, и правда веришь, да нет, кто в это поверит, что я в одиночку сражаюсь с галактическими армиями...

Окружают... стреляю, сбиваю еще двух, да что такое эти еще два, когда имя им – легион... бегу – отталкиваюсь от пустоты, прижимаю к себе Грааль... Только бы не обронить,

только бы не потерять...

Оступаю, чуть не падаю, что-то притягивает меня, сильнее, сильнее... Не вижу черной дыры – ее не возможно увидеть, чувствую – вон, там, глубокая бездна, из которой не возвращаются...

Бегу – ближе и ближе к черной дыре, чувствую, как меня засасывает, тут, главное, ускорить бег, разогнаться – до околосветовой, как скачет сердце, давление под двести, ничего...

Они бросаются за мной – осклизлые, мерзкие, в последний момент спохватываются, чувят беду – поздно, поздно, черный провал засасывает их...

Бегу – с пылинки на пылинку, прыгаю, огибая туманности.

Скачет давление, кровавые струйки стекают из носа. Сбавляю скорость, – опасно, как бы еще кто меня не сцапал, а приходится, а то так и замертво упасть недолго...

Прижимаю к себе Грааль, похищенный на задворках каких-то галактик.

Не потерять...

Ты подожди, любимая...

...будем вместе...

Это еще что...

Снится какая-то мутотень, распахивается окно, кто-то валится в комнату, большой, темный, крылья у него, что ли,

за спиной... Тянется ко мне, оставляет на полу темный кровавый след... уйди, уйди...

Нет, это не сон, что-то на самом деле. Выдергиваю себя из кровати, щелкаю выключателем, ты какого черта не зажигаешься, ах да, я же лампу из розетки выдрала... сотовый заряжаю...

– Привет.

Эрик кое-как забирается в кресло. Смотрю на часы.

– А еще позже нельзя было? Часика так в три ночи? Или у вас на Марсе принято вот так... по ночам?

– Да говорю я тебе, не на Марсе...

– Ты бы хоть объяснил.... Где...

– Да что объяснять... по вашим звездным картам хрен что покажешь... Ты это... бинты у тебя есть?

Только сейчас спохватываюсь, что это не сон, и правда – темные следы на ковре... щелкаю выключателем, свет лампы колет глаза... Вздрагиваю... нехило натекло, это ковер теперь стирать... Эрик кувырком валится с кресла, задергивает шторы.

– Да не дергайся ты... сейчас, сделаю все...

– Сделаешь... шторы-то закрывать надо, они видят... хотя они и сквозь шторы увидят, если надо будет...

– А кровь у тебя красная...

– А тебе что надо, чтобы слизь зеленая натекла, или еще чего? Говорю тебе, мы с землянами одной крови... еще когда разошлись с нашей общей прародины... Омолонгрэн...

Черт, больно же...

– Терпи... вот так... Не туго?

– В самый раз.

– Врача, может?

– Ага... ты хоть понимаешь, что вместо врача Они придут? В белых халатах? И заберут к чертям?

Киваю. Эрик сжимает мою руку, крепко, тепло, благодарит. На душе сладко, будто кто-то обнимает невидимыми крыльями.

– Это кто тебя так?

– Они, кто... Выкрал у них Грааль, вроде уже оторвался от них, нет же... подстрелили.

– А Грааль зачем?

– Ты чего? Это ж ваша реликвия, земная... Эх ты, если бы не Грааль, точно бы конца света не избежать...

Киваю. Все ясно. Что ничего не ясно. Он умолкает – знаю, ненадолго, сейчас оживет, начнет рассказывать про конец света, про Майя, про Грааль, про то, как он встречался с Пернатым Змеем, Кельц... как его там, не помню, как потом, во время всемирного потопа...

Выхожу на кухню – стготовить ему что-нибудь, все-таки кровищи потерял не меряно... выгребая из холодильника мясо, щелкаю чайником, возвращаюсь...

Смотрю в распахнутое окно.

Шторы... шторы не забыть задернуть, потом ковер это несчастный убрать... но сначала шторы... шторы...

Как это было...

Уже и не помню, как оно было...

Странное чувство...

Бывает такое, накатит, когда одна в квартире – и кажется, что не одна. Нет, точно, надо было брать студию, там не будет такого, что вот, сидишь в комнате, и кажется, кто-то на кухне, сидишь на кухне, и кажется, кто-то в комнате... Хоть сиди в коридоре, где видна вся квартира, хоть кровать туда перенеси...

Так и кажется, что-то шевелится в кухне... Так, похоже, с ума начинаю сходить, уже представляю себе черт знает что... Кто сюда заберется на двенадцатый этаж... Марсиане, разве что... вот так зайдешь в кухню, а там сидит какой-нибудь в серебристом скафандре, кофеек потягивает...

Так... хватит...

Накрываю голову одеялом, вот так – ползком-ползком – добираюсь до выключателя. Иду на кухню – тихонечко, бочком-бочком, так, а чего это я боюсь, тут, в собственном доме, еще не хватало, мои владения, вон, у меня и документы есть, ипотека оформлена, не к ночи будь помянута...

Толкаю дверь кухни, точно свихнулась, свет зажженный оставила. Замираю на пороге.

...точно...

...и скафандр серебристый...

– Вы как сюда попали? Через стены ходите?

Пугаюсь собственного голоса.

– И не только.

– У вас на Марсе все так делают?

– Да не на Марсе. Я... – размахивает бледной, бескровной рукой, – долго объяснять...

– А русский откуда знаете?

Улыбается. Неестественно, не по-человечески.

– Да не первый раз уже на Земле.

– И как оно вам тут?

Снова улыбается.

– Три тысячи лет назад было лучше. Вот честно... Теперь... – взмахивает рукой, белой, бескровной, – все спешат куда-то, опаздывают... жить не успевают.

Голос – хрипловатый, нечеловеческий. Подсаживаюсь к нему, сжимаю руку – неожиданно холодную, прямо-таки сосулька какая-то, а не рука...

– Ну что? Настоящий я, настоящий... Вот что, хозяйка, кофейку не найдется?

– А вы что... едите? Как люди?

– А вы как хотели... одной крови с людьми... одна раса... еще когда разделились на две расы... покинули Омо-лонгрэн...

– С сахаром?

– Спрашиваете. Вот что... до утра у вас тут перекантуюсь, а то что-то следят за мной... служба такая... На смену выхо-

дишь, не знаешь, домой вернешься или нет...

Киваю. Надо бы снеди какой-нибудь принести... а холодильник все еще в коридоре... куда его на кухню поставить, хрен пойми...

– Вы это куда, хозяйюшка? Милицию звать?

Недоуменно смотрю на него.

– Какая милиция...

– Ну как... в дом к вам тут залез... какой-то...

Смотрю. Не понимаю.

– Да вы же не человек...

Смеется. Холодно, неестественно, люди так не смеются...

Ах да, кофе, кофе... с сахаром... и из холодильника что-нибудь...

Ты подожди, любимая...

Будем вместе...

Когда-нибудь – когда кончится эта война, которая только кажется бесконечной.

Бегу – ступаю по мельчайшим частицам, рассеянным в вакууме. Теряюсь в сияющем тумане.

Любимая... знала бы ты, как здесь красиво... когда-нибудь я покажу тебе все это... когда-нибудь возьму тебя... с собой...

Война... я не помню, с чего началась война. Никто не помнит. Я знаю только одно – эта война кончится.

Любимая... Ты даже не знаешь об этой войне, там, на зем-

ле – не знают. До вас доходят какие-то обрывки сводок, которые растворяются в легендах и мифах, Председатель Конфедерации стал у вас Князем Тьмы, перебежчик Про-Мэ – Прометеем, что-то знаете про подвиг Фаятона...

Они спешат за мной – через миры и галактики, не слышу – чувствую выстрелы, чувствую смерть – по пятам...

Ты подожди, любимая...

Что-то подсказывает мне – победа близка, ближе, чем кажется...

Чувствую, как все кипит и клокочет внутри. Хорош... Ой, хорош... сидит, завтракает, как ни в чем не бывало...

Убила бы...

И не хочется скандала – а будет, тут уже никуда не денешься – надо... Хотя... что я ему скажу... будет все начисто отрицать, сделает большие глаза...

– Деньги... ты брал?

Сама пугаюсь своего голоса.

Сейчас скажет – какие.

– Брал.

– Пятихатку последнюю? Нехило.

– Верну.

– Когда?

Сама удивляюсь себе, что это со мной, убить его готова, или меня его спокойствие бесит, так говорит, будто это его деньги.

– Ну... через недельку. Тут понимаешь, на вооружение...

– Врешь.

Сама себя – не понимаю. Как я его ненавижу...

Смотрит на меня – какой-то непривычный, неожиданно земной, ничего космического не осталось в нем...

– Слушай, я тебе врал? Я тебе когда-нибудь – врал?

Не владею собой – да что на меня накатило, сама виновата, пустила в дом какую-то тварь, он думает, все тут его...

Распахиваю входную дверь.

– Пошел вон!

– Ты чего, а?

– Пшел вон! – хватаюсь за телефон, – сейчас милицию...

Что-то изменилось в комнате. Что-то... вхожу, оглядываюсь, не понимаю. Вроде бы окно закрыто. Наклоняюсь, смотрю под диван, под шкаф, иду на кухню... Похоже и правда – пошел вон, как только он один умеет, сквозь стены, сквозь пространства, из кухни – на погасшую звезду в соседней галактике...

Распахиваю окно.

Жду.

Ну, будет тебе... домой иди...

Тишина. Какая-то странная, пугающая...

– Эрик!

Не слышит. Да что со мной... Набросилась на него, а он же и не человек вовсе, он и не понимает, где свое, где чужое, у них там, может, вообще все общее...

Допиваю недопитый им кофе, мерзкий, терпкий, это что за дрянь... Эрик, бедный, как он это пил... Эрик... не слышит меня Эрик, он сейчас где-нибудь по ту сторону пространства и времени...

Мир покачивается под ногами – иду к распахнутому окну, ветер зябко ежится, кутается в занавески.

Это что... померещилось...

Нет... не похоже... Вижу, черт возьми, вижу, звезды на небе сбиваются в кучу, складываются в буквы, слова...

П Р О С Т И М Е Н Я

Прыгает сердце... это обычно на заборах пишут, в подъездах, на тротуаре под окнами... Но чтобы так...

Только бы он убрал эту надпись... до утра... Астрономы с ума сойдут...

Ты подожди, любимая...

Ты прости меня...

Прости... все будет хорошо, вот увидишь... все будет просто замечательно...

Ты не поймешь... да как я тебе объясню, не поймешь, дело-то такое... в космос просто так не попасть, без глотка живой воды, а живая вода не то, что прежде, где попало не течет, стоит недешево...

Они же знают... Знают, что без живой воды в космос

не поднимемся... сволочи, торгаши проклятые...

Бегу... прыгаю – с песчинки на песчинку через вселенную. Бегут за мной – злые, как черти, еще бы, увел у них очередной артефакт, очередное сокровище, – маленький шаг к большой победе...

Ты подожди, любимая, все наладится, заберу тебя отсюда – с собой, в звезды, ты не думай, я не какой-нибудь странник, там, по ту сторону пространства и времени ко мне обращаются не иначе как ваше величество... Отвезу тебя на планету, всегда повернутую к звезде одним боком, там никогда не заходит солнце, там мой дом – в зоне вечного рассвета, там...

Прыгаю...

Ловлю опору...

Не нахожу...

Падаю в бездны космоса...

Это что...

Вот черт, ни раньше, ни позже...

Хочу обойти стороной, понимаю, что обходить некуда, хочешь, не хочешь, иди напрямую... а там уже оцеплено все, полиция, журналюги, люди столпились, им-то какое дело...

Кто это так... взорвал себя, что ли, на глазах у всех... или с крыши упал... ну да, скорее с крыши... здорово его раскурочило... Опять какой-нибудь из этих, у которых жизнь не удалась... А у кого она вообще удалась, вы мне скажите.

И ничего, живем...

Прохожу мимо.

Не удерживаюсь, смотрю в бескровное лицо.

Мир валится на меня всей своей массой.

– Вы знали этого человека?

– Знала.

Так-так, а говорили, что не знаете... за дачу ложных показаний знаете, что бывает?

– Догадываюсь.

– Так когда вы ввали, тогда или сейчас?

– Тогда.

– Точно?

– Точно... это... Эрик.

– Э-эрик... он такой же Эрик, как я Наполеон Бонапарт.

– А настоящее имя у него какое?

– У него этих имен... – следователь отмахнулся, – что на нем десять ограблений, знали?

– Нет.

– Что двоих охранников убил, видно, тоже вам не сказал...

– Нет.

– Что наркотики употреблял, знали?

– Да... не думала.

– Сами не пробовали?

– Нет.

– А это что?

Смотрю на чашку – не понимаю, ах да, вечером оставила, не вымыла, это Эрик не допил, я потом прихлебнула кофе, еще вкус такой мерзкий...

– Это он пил?

Сама пугаюсь своего голоса:

– Он.

– Ловкий был парень...

– Да уж... как он по крышам туда-сюда, прямо жуть брала... Куда только не проникал...

– Допрыгался...

Выходят. Как-то быстро они провернули свой обыск, аккуратненько так, сразу видно, дело свое знают. Остаюсь – наедине с собой, и даже как-то странно, что не забрали, не увели, не...

Распахиваю окно.

...такой же Эрик, как я Наполеон Бонапарт...

Озябший ветер кутается в занавески.

...что на нем десять ограблений, знали?

Щелкаю чайником.

...что двоих...

Смотрю в звезды, жду, во что он их сложит сегодня.

...что наркотики употреблял, знали?

Ночь заглядывает в окна.

...Да не с Марса я... по картам вашим не объяснишь...

Жду.

2012 г.

Это ваше

И вот скажите мне, что у него на уме?

Что ничего хорошего, это понятно, у таких не бывает на уме ничего хорошего. Замышляет что-то, так смотрит, что казалось бы, убил на месте, если бы мог. Вот каждый раз к двери подхожу, думаю – точно, убьет. Даром, что здесь умереть невозможно – убьет.

А куда денешься, если двери наши рядом находятся, догадался идиот какой-то, поставил. Вот так вот выходишь, а он уже в коридоре стоит. И хоть бы Здрассте сказал, или еще что, а то ведь ничего, ни-че-го-шень-ки, вот так вот подойдет к ящику, он у нас один на двоих, вытащит наши допуски, мой и его, на номера посмотрит, мне протянет:

– Это ваше.

И всё.

Вот не люблю таких, вот терпеть не могу, уж лучше бы поругались с ним, или я не знаю, что. А то вот так – это ваше – и всё. Другие люди на других этажах обнимаются, целуются, а-а-а, сколько лет, сколько зим, давно не виделись. Где-то и поругаться уже успели, выходят из дверей, друг другу тумачков навешают или еще чего...

Ладно, нечего об этом вспоминать.

А как не вспоминать, если сейчас опять то же самое будет. Вот только зарезал меня ревнивый муж, скотина паршивая,

черт его принес раньше срока домой, вот только отмучилась, отызывалась в реанимации, вот только...

И все. И снова открываю дверь в коридор, и он уже стоит в коридоре. Нет, не муж, а этот самый. Уже стоит перед ящиком, вынимает разрешения.

– Это ваше.

И мне сует. Как собаке кость. Обидно так, тут еще злоба на мужа накатывается, так и хочется вслед ему крикнуть – дурак, или что похуже.

Ладно, некогда.

Иду через коридор, за занавеску, сейчас опять начнется, поздравляем, у вас девочка, ути пуси, какие мы красивые... И дальше по кругу, первый раз в первый класс, Иванова, не вертись, платье на выпускной, первая любовь, еще раз теб-я с этим хлыщом увижу, ноги повырываю, кому, мама, мне или ему, обоим, блин... Потом развод с хлыщом, мама причитает, ах, что за мужчина был, счастья ты своего не ценила...

Ладно, что я себя накручиваю... Может, в этот раз все хорошо будет, может, выбьюсь в люди, на обложку журнала, ну, когда мне предложили эту роль, я, честно сказать, не поверила, подумала, что это розыгрыш...

Иду по коридору, и этот обгоняет меня, уходит за свою занавеску, куда торопишься, все там будем...

Пару раз видела его там, в мире между занавеской и дверью, то он где-то снимался, то изобретал какой-то гаджет, то

устроивал государственный переворот. С тех пор стала понимать, почему он мне даже не кивнет, когда встретимся, что ему мелкая сошка какая-то...

Это ваше.

Вот так, опять. Протягивает конверт с моим разрешением. И все. И обидно до слез, хочется разорвать этот конверт и швырнуть ему в лицо, да пошел ты, да не нужно мне ничего от тебя, да...

Вот вы мне скажете, тебе-то что до него, не обращай внимания.

А не получается не обращать внимания, люблю я его, люблю. Сердцу, блин, не прикажешь...

Идем по коридору, хоть бы обернулся, что ли, хоть бы что, а тут ничего. и что у него на уме, нехорошее у него что-то на уме, черт пойми...

Говорила уже с ними. С кем, с ними... ну, с этими... которые наверху. Нет, я не про тех людей что выходят из дверей этажом выше. Я про тех, которые сверху, над всеми над нами. Ходила к ним, спрашивала, нельзя ли как-нибудь меня к кому-нибудь другому в коридор поставить, сил моих больше нет. Разводили руками, говорили, ну да, конечно, посмотрим, у нас тут знаете, сколько таких заказов, не вы первая, не вы последняя..

Так до сих пор и смотрят.

– Это ваше.

Беру бумагу у него из рук.

– Спасибо!

Как же, ответит он мне Пожалуйста, тут скорее люди в коридоре пойдут обратно, чем он ответит.

А я его видела.

Только сейчас спохватываюсь – я его видела. Там. По ту сторону занавески. В той жизни он был премьером Конфедерации, подмявшей под себя полмира, и готовой подмять под себя вторую половину мира.

Такой на меня и не посмотрит.

– Это ваше.

Просыпаюсь, как от удара. Только сейчас вспоминаю, кто я, кто он, стоящий у почтового ящика, что за коридор тянется от двери к занавеске. Но вспомнить – это полбеды. Сейчас, главное, не забыть, что было там, по ту сторону двери, откуда я вышла в коридор, было же, было же, было...

Ну же...

Точно. Вспоминаю. Даже горделиво приподнимаю голову, ага, все-таки и я выбилась в люди, в правительственные залы, ваше превосходительство, что вы об этом думаете... Кончилось все, правда, не бог весть, отравили-таки, а я даже не знаю, какая сволочь отравила...

Не забыть, не забыть... ваше превосходительство. Бегу наверх, к тем, кто наверху, прошу, чтобы снова родиться там, там, в маленькой стране, продолжить свой путь. Краем глаза вижу, что и этот тоже бежит в высшие инстанции, просит,

чтобы его оставили там же...

Ну-ну...

Кричу.

Только сейчас понимаю – кричу, как никогда не кричала, в детстве и то так не было. А куда денешься, и не хочешь кричать, а кричится само собой, чувствуешь, что паришь в неведомости, Плавучий остров падает сквозь облака. Еще думаешь про себя, на землю упадет или на воду – да какая разница, один хрен, разобьемся насмерть.

Тихонько думаю, какая сволочь это подстроила, если на Плавучем острове были мы оба – и я, и он, ваше превосходительство, вашей стране придется войти в состав Конфедерации – только через мой труп, господин премьер, только через мой труп.

Как будто сглазила.

Плавучий остров стремительно приближается к земле. Премьер подбирается ко мне, хочет то ли помочь, то ли наоборот, уже не успеваю понять.

Вспышка света.

И темнота.

Последним усилием воли сжимаю в руке столовый ножичек, чтобы перерезать ему глотку, если он подберется ко мне. А он подберется, уже там, в коридоре, за дверью...

...вхожу в дверь.

Он уже стоит в коридоре, сжимает ножичек.

Вот черт...

Здесь, конечно, не умирают. Потому что уже умерли.

Хотя... кто сказал, что не умирают...

Сжимаю нож за пазухой, только бы не промахнуться, только бы рука не дрогнула. А ведь самое обидное, первой я ударить не смогу, а если буду ждать, пока он нож выхватит, фиг я его пырнуть успею...

Он не смотрит на меня, открывает ящик, вынимает одно разрешение. Жду, когда достанет второе, вот он проводит ладонью по дну ящика...

Нет.

Ничего нет.

Разворачивает разрешение.

Смотрит.

Земля уходит из-под ног, нет здесь никакой земли, а все равно уходит из-под ног. А что делать, и так бывает, живешь себе, живешь, делаешь что-то, а там посмотрят на тебя сверху – нет, не годится – и все, и нет тебе допуска, добро пожаловать в небытие.

– Это ваше.

– А?

– Ваше.

Сует мне в руку листок, листок падает, еле-еле заставляю себя наклониться, чтобы его поднять. Он уже куда-то по коридору, не туда, где занавески, а черт пойми, куда.

Иду к занавеске, ноги меня не слушаются, вот, блин, быва-

ет, и так легко-легко на душе, злорадство какое-то неуместное, аг-га, так тебе и надо...

Вот, блин...

Прохожу через занавеску, в последние доли секунды читаю, на чье имя выписано разрешение.

Я всё-таки узнала, как его зовут...

2014 г.

Это же деньги...

– Пачку Бонда, – я протянул деньги, положил на прилавок, стал ждать.

Там, где за прилавком обычно сидят миловидные девушки, был парень, угловатый, тощий, как нескладное дерево, выросшее в лесу и забитое другими деревьями. Парень пошарил под сеткой, покрывавшей прилавок, вытащил синюю пачку, потом еще раз посмотрел на пятьсот рублей, которые я ему дал. Проверил на свет, под углом, и под другим, и под третьим, сладко пошуршал ею, наконец, вздохнул:

– Извините... может, у вас другая есть?

– А эта вам чем не нравится?

– Да... какая-то сомнительная.

Я вздрогнул, едва удержался, чтобы не дать ему в морду. Если бы он ударил меня, я возмутился бы меньше.

– Ну, если вы мне не верите, я могу и в другой магазин пойти, их вон сколько по району. Думаете, вы один такой? – я бросил ему другую банкноту.

– Вы извините пожалуйста, – он побледнел, кажется, испугался, – это же серьезно, это же... деньги... – он снова посмотрел на пятисотку, – а... а еще другой у вас нет?

– Ты что, парень, денег никогда не видел, – вспыхнул я, – ну да, поди таких больших денег и не видел, сидишь тут на копейках своих... – я вынул из кармана измятую сотню, –

на вот, держи...

– Это же деньги, это же серьезно, – продолжал бормотать парень, – тут по Челябинску, говорят, фальшивые деньги ходят...

– Ага, ходят, – фыркнул я, – скоро мимо твоего магазина пройдут... на ножках. Ну что, и эта фальшивая? Ты смотри, парень, я это долго терпеть не буду...

Парень повертел в руках сотню, – его лицо исказилось болезненной гримасой, как будто каждое прикосновение к деньгам причиняло ему невыносимую боль. Наконец, он измученно вздохнул, протянул мне сигареты и все три купюры.

– Берите. Так берите.

– А деньги?

– Да берите так, бог с ними, с деньгами...

– Тебе что, деньги не нужны?

– Да ладно, говорю же вам, бог с ними... И вообще, что не нравится? Я вам сигареты бесплатно, а вы еще руками машете...

– Да что-то не привык я, чтобы бесплатный сыр... В мышеловках, – я сгреб пачку и банкноты, и у меня появился соблазн быстро повернуться и уйти, вот так быстро, чтобы он не успел опомниться, этот сумасшедший, но что-то удерживало меня – может, как раз то, что он был сумасшедший. Я выгреб из кармана всю мелочь, наскреб двадцать рублей и бросил на прилавок разлетевшиеся монеты.

– На, клюй, воробей.

– Вот за это спасибо, – он улыбнулся совершенно искренне, без малейшей издевки, кинулся собирать монеты.

Я вышел из магазина, посмеиваясь, но с тяжелым, неприятным чувством, что я там чего-то недоделал, что надо бы вернуться и дать ему в морду или наговорить кучу колкостей, которые я считаю остроумными. Я повернулся и посмотрел в светлый проем магазина: парень тихонько стонал и бился головой о прилавок.

Я увидел его снова в троллейбусе.

Вернее, не увидел, а услышал, это было поздно вечером, когда троллейбус остается единственным светлым островком в зимней вьюжной ночи. Озябшие люди тянутся к нему, как мотыльки на свет огня, и жмутся к печке кондуктора, и кто-нибудь самый дерзкий уже сидит на самом троне. Кажется, что в мире не осталось ничего кроме этого троллейбуса. И кажется, что там, за окном – открытый космос и летим мы на какой-нибудь Гемма Беллатрикс в созвездии...

– А других банкнот на сдачу у вас нет? Вот эту и эту замените пожалуйста, что-то они у меня доверия не вызывают... А можно вот эту бумажку? И вот эту. Спасибо большое, извините, я сам виноват, что с соткой зашел...

Кажется, парень пятился, кажется, в мою сторону, мне оставалось только дожидаться, пока он подойдет поближе, а потом хлопнуть его по спине.

– Ну что, фальшивых денег наштамповал, теперь можно и в троллейбусе проехать, да? – крикнул я.

Он обернулся, растерянно посмотрел на меня, пытался вспомнить, кто я и что я.

– Да, у него все деньги фальшивые, – кивнул я кондукторше, – вы это учтите.

– Да будет вам, сейчас обоих выгоню, – кудахтнула тетка и удалилась на свой трон.

– Вы извините пожалуйста, что я тогда... – он сел в кресло, жестом предлагая мне присоединиться к нему, – у меня же и в мыслях не было, что ваши деньги фальшивые, настоящие они, кто бы сомневался...

– А что не понравилось тогда? – меня передернуло, – серийный номер некрасивый?

– Да нет, вы опять извините... Судьба у них нехорошая была.

– У кого?

– У денег у этих.

– Тяжелое детство, что ли? – попытался сострить я, – вы что, ясновидящий?

– Да нет, – он вытащил из кармана десять рублей, погладил и с той, и с другой стороны, присвистнул, – вот эта хорошая, ее один художник как гонорар получил, когда стены в какой-то школе разрисовывал... Потом с молодой женой в ресторане кутил, весело было...

– Десять рублей? Неслабый гонорар...

– Да нет, там побольше было, но эта десятка в том числе... я же их все чувствую, наперечет. Вот эту десятку дети во дворе нашли, видите, какая мятая? А сколько радости в ней, вам и не снилось, они же на нее шоколад купили, а это сами знаете, для ребенка ой-ей-ей... А вот на эту десятку один мужчина обручальные кольца покупал, ну, конечно, приплатил тыщ двадцать...

– А с моими деньгами что было? Которые я вам давал...

– А дрянь дело было с вашими деньгами. Ну все, моя остановка, – он встал, тощий, нескладный, казалось, вот-вот развалится на части, – всего хорошего. Еще раз извините.

– Я тоже выхожу, – я выскочил, хотя до моей остановки было еще полгорода, не меньше, – а вы давно это... деньги видите?

– Деньги вижу? Да всю жизнь вижу, вы же и сами видите, вот они, повсюду, деньги-то...

– Да нет, судьбу денег. Это...

– А это в институте, на физике. Там у амперметра контакт отошел, я полез голыми руками вправлять, тут меня и шибануло. Красиво так было, будто летишь через вселенную, и холодные звезды на тебя падают. Потом прихожу в себя, все охают, ахают, руками машут, крыльями хлопают... А я смотрю на бумажку, там сто рублей на столе лежало, и говорю: «Эти деньги студент Кьюсак принес, чтобы вы ему экзамен зачли. Только там еще двадцать тысяч было...» Все смотрят на меня, глаза вытарасили, физик ни жив, ни мертв,

потом, конечно, заорал, хвост трубой, шерсть дыбом, да как вы смеете... А что делать, я же вижу...

– Отчислили? – ни с того ни с сего спросил я.

Он кивнул.

– Потом страшно так бывает, стоишь в очереди в магазине, и перед тобой кассир считает деньги, а там чего только нет... вся история человечества в картинках. Страшно так... Еще спасибо, прикасаться к ним не приходится.

Порыв ветра бросил нас в подворотню, в другую, прижал к стене, мы почти поползли вперед. Белые хлопья снежинок летели нам навстречу мокрыми звездами, бились в лицо.

– А я думал, вы скряга какой-нибудь, который кроме денег ничего не видит, – признался я, – есть сейчас такие... никаких интересов, ни друзей, ни семьи, а если семья, так и там каждую копейку считают, со взрослых детей деньги берут, что те у них в квартирах живут...

– Нет, я не такой... но что ничего кроме денег не вижу, это точно, – вздохнул он, – свихнуться можно. Как увидишь там что-нибудь, так страшно становится... вся история человечества, какая есть... Тут же сто детективов написать можно, всех Корецких переплюнуть... Бывает, конечно, что-то приятное, но чтобы у человека с деньгами что-то приятное было связано... то редкость... Ну все, мне в этот подъезд, спасибо, что проводили.

– Можно я в конец обнаглею? – не выдержал я.

– А что такое? – он настороженно повернулся ко мне.

– А то... Замерз я совсем. Чашку кофе можно у вас попросить?

– Ах вот оно что, – он странно посмотрел на меня, кивнул, как будто даже не мне, а кому-то или чему-то еще, – ну-ну.

Квартира оказалась под самой крышей, как будто специально, чтобы видеть сверху огромный город и людей в нем, и деньги, деньги, много денег, у каждой бумажки была своя история, своя память, своя безмолвная боль. Продавленный диван и стеллажи, стеллажи, как в библиотеке, только здесь были не книги, а фотоальбомы, кипы, талмуды, полчища.

Мой новый знакомый рухнул на диван и раскрыл первый попавшийся альбом, я скрипнул зубами, думая, что он начнет показывать мне семейные фотографии, но на страницах альбома под пленкой оказались деньги. Рядом с каждой банкнотой чернел знак, плюс или минус, и еще какая-нибудь краткая, лаконичная запись. Старая, дореформенная сотня с жирным минусом, под ней было размашисто написано: «Москва, 1981. Ссора двух...» Левее лежал новенький доллар, на нем, что странно, вместо плюса или минуса чернел знак вопроса, и было подписано: «Курск. Коллекция» Ниже лежала пятисотка, вернее, то, что было когда-то пятистоткой, картинка из нее была бережно вырезана, а внизу стояла подпись: 2008 г. Что такое деньги.

– Вот видите... У каждой денежки своя судьба, своя история... Вот из-за этой сотни две подруги в Москве поссорились, когда одна другой долг отдавала, тысячу, обсчиталась

с деньгами... Естественно, скандал, ты меня обмануть хотела, ты меня ограбить хотела, знать тебя не хочу больше... Это же деньги... А были лучшими подругами, между прочим. Вот вам и деньги.

– А кто это в Курске доллары печатал?

– А, это... это не печатал, это один человек собирал. Коллекция у него была, старые, новые рубли, марки, франки, доллары... рейхсмарки даже были... А потом завод закрыли, где он работал, так он... знаете, мне к этой бумажке даже прикасаться тяжело. Я прикасаюсь и вижу, как он считает мятые десятирублевки, покупает какую-то там крупу... А перед ним в папочке сто рублей, тысяча, доллар вот этот, там еще сто долларов было... А он их не трогает, боится отдать, это же коллекция, это история...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.